

Студенческая православная газета МГУ

Татьянин День

№5 (54)
2003

Издается по благословению Святейшего
Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II

ВОЗВРАЩЕНИЕ...

- ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ ЛЕВИЗНЫ БУРЖУАЗИИ**
дискуссия о «буржуазных» ценностях стр. 6
- ВЕЧНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ**
о фильме-победителя Венецианского кинофестиваля стр. 10
- КОСМОНАВТЫ В ШАХТАХ МЕТРОПОЛИТЕНА**
роман «Омон Ра» и материалистическая картина мира стр. 18
- МОСКВА-СОЛОВКИ**
путешествие на солнечный остров стр. 21
- МИССИЯ НЕВЫПОЛНИМА?**
проблемы византийского миссионерства в книге С.Иванова стр. 26
- ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ В МАТРИЦЕ?**
о последней серии нашумевшего фильма стр. 30

■ КОЛОНКА РЕДАКТОРА ЯЗЫК ПТИЦ

В фильме П. Пазолини «О птичках больших и малых» есть одна примечательная сцена. Двое францисканских монахов посланы обращаться в вероубеждение. Сначала проповедники пытаются объясниться с птичками с помощью чириканья - у них это не получается. После долгих раздумий незадачливые миссионеры догадываются, что воробьи разговаривают друг с другом не с помощью звуков, а с помощью прыжков, и сами начинают выделять забавные колечки, подражая поведению своих «пасомых». Птицы их понимают. Мы, к счастью, имеем дело с людьми, и нам не надо прибегать к жанру пантомимы. Однако и любой человек, обращающийся к себе подобным, рискует оказаться в роли этих францисканцев, показавшихся бы добропорядочным зрителям нелепыми глупцами, хотя, на самом деле, они лишь говорили на языке, понятном их собеседникам. С человеческими языками все бывает еще сложнее: люди, даже изъясняющиеся на одном языке, могут вкладывать в слова самые разные значения, а иногда настолько привыкают к своей манере выражаться, что любой текст, выходящий за рамки их словесных штампов, воспринимается как непозволительная вольность, чуть ли не как кощунство.

С другой стороны, и те, кто пишет, зачастую забывают, что перед ними тоже люди, обращаясь к ним, как к дрессированному животному, на сознательно примитивном языке, и думая, что читатель может проглотить только заведомо низкие и пошлые мысли. Надеясь, что «Татьянинию дню» удавалось (может быть, не всегда) избежать этих двух крайностей: псевдоблагочестивых штампов, с одной, и неуместных кривляний, с другой стороны.

Этот номер в несколько большей степени, чем обычно, будет посвящен истории, а не современности. Также он будет несколько более резким. Впрочем, резкость тех или иных мнений будет отчасти уравновешиваться резкостью мнений им противоположных. В любом случае, заранее принимаю прощения, если кого-то обидит.

Максим БОЛЬШАКОВ

«СЛУЖЕНИЕ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Ежегодная Научно-практическая конференция студентов и молодых ученых богословских учебных заведений Русской Православной Церкви «Служение Церкви в современном мире», организованная Учебным комитетом при Священном Синоде, состоялась 9–10 октября в конференц-зале храма святой мученицы Татианы. Форум начался с Божественной литургии в Татианинском храме, служение которой возглавил архиепископ Верейский Евгений (Решетников), ректор МДАиС, председатель Учебного комитета при Священном Синоде Русской Православной Церкви. Открывая форум, владыка Евгений зачитал Приветственное слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Святейший Патриарх подчеркнул, что новые научно-технические и социальные условия поставили перед Церковью новые проблемы, требующие вдумчивого богословского осмысления и анализа. Затем было оглашено приветствие полномочного представителя Президента РФ в Центральном округе Г.С. Полтавченко. Участники конференции также приветствовал ректор Московского университета им. М.В. Ломоносова В.А. Садовничий.

Один из самых ярких докладов на пленарном заседании конференции сделал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев), председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Ключевой идеей его выступления был тезис о том, что Церковь обязана давать четкий и исчерпывающий ответ на все значительные явления современной политической и культурной жизни. Владыка, в

частности, отметил, что, если бы Церковью соборно высказана свое отношение к Февральской и Октябрьской революциям, то история России, возможно, сложилась бы не столь трагично.

С докладами выступили также митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей (Фомин), управляющий делами Московской Патриархии, председатель Отдела по социальному служению и благотворительности; митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков), председатель Синодальной комиссии по канонизации святых; архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн (Полов), председатель Миссионерского отдела Русской Православной Церкви. Последний доклад содержал подробный отчет о деятельности Синодальной комиссии по канонизации святых за последние 15 лет.

Митрополит Ювеналий представил участникам конференции книгу «Канонизация святых» и новый журнал «Московские епархиальные ведомости».

Из остальных докладов можно выделить выступление священника Владимира Шмалля, секретаря Синодальной Богословской комиссии Русской Православной Церкви, который описал основной круг наиболее актуальных богословских проблем Русской Церкви, основные из которых становятся сейчас вопросы христианской антропологии, в первую очередь вопрос о свободе человека в эпоху, породившую технологии манипуляции человеческим сознанием, а сейчас и прямого над ним насилия.

**По материалам сайта РПЦ
www.bogoslov.ru статью подготовил Николай КЛЕЦИН**

ДОРОГАМИ ИВАНА СУСАНИНА

Окончание. Начало в № 52 «ТД»

Этим летом группа прихожан храма мученицы Татианы при МГУ совершила миссионерскую поездку по Костромской области. Формой работы этой группой был выбран двухчасовой «миссионерский концерт» с лекцией. Миссионеры были там, где уже есть храмы и священники, но где еще не все люди «вспомнили» веру своих предков. В прошлом номере «Татьянинного дня» было напечатано начало статьи об этой поездке. В этом номере мы печатаем ее окончание.

Зона

В Поназырево – исправительно-трудовая колония №2. Это УНЖЛАГ – один из островов ГУЛАГа. Нас с теплом встречает начальник зоны, а отец Сергей, батюшка, окормляющий аэзов, на вопрос, насколько опасные здесь люди, отвечает, что и людоеды имеются. Массивные бетонные стены, башни, колючая проволока, зевает овчарка в клетке. Здесь жутковато, живописно, безнадежно. Обстановка, пожалуй, располагает к покаянию. От сумы да от тюрьмы... Сдаем паспорта и направляемся в столовую, так как клуба у заключенных нету. А вот и они сами – скучковались у окон и глядят на нас. Мы невольно жмем друг к другу поближе: странно, ведь они – такие же люди, только пока за гранью... Слушатели полностью заполнили помещение. Духовные песнопения слушали недоверчиво, благосклонно ухмыляясь. Где-то сбоку торчал колоритный пахан в окружении шестерок и презирал. Но вскоре он ушел, и наша бритая публи-

ка расслабилась, и когда дело дошло до второй части, появились улыбки, зазвучали аплодисменты. Наверное, стоит надеяться, что хотя бы у нескольких из этих, в основном, молодых ребят только что посеянные слова о Христе взойдут и изменят их жизни. С этой же

надеждой мы посетили зону в селе Отровское, где ээки оказались с виду гораздо более белыми и пушистыми. Они дружно благодарили отца Максима за концерт, а на приглашение посетить наш Татьянинский храм, ответили – «спасибо, лет через десять...» Здесь тоже была оставлена для них литература и крестик.

Глубинные жители

Очень гостеприимные, несмотря на то, что теоретически москвичей в провинции не любят. Показалось даже, что в народном понимании «миссионер» – это что-то: а) голодное, т.к. кормили нас весьма обильно, б) немытое, вследствие чего мы смогли оценить изрядное количество бань в спектре от крошечной деревянной до каменной «гестаповской», где с потолка капали холодные капли. В банях, благодаря хорошей акустике, мы устраивали зычные хоры, служившие дополнительной рекламой концертных выступлений. Еще глубинные жители напоминают больших детей. Да, пыщие, необразованные, но добрые и простые. Вся эта поездка была временем от-

крытий: мы открыли для себя для многих совершенно неизвестный мир русской глубинки, а наши зрители и новые друзья немного заглянули в мир православия. Надеемся, им там понравится.

Ирина ФЕДИЧКИНА

«С ЭЛЛИНАМИ БЫЛ КАК ЭЛЛИН»

Памяти православного ученого-политолога

Уход из жизни А.С. Панарина – потеря для многих. Прежде всего, для современной отечественной общественной мысли, уставшей и истощившей себя за годы бесконечной смены декораций и выбивания устоев из-под ног. Это потеря для всего философского факультета, который в силу своей специфики вынужден наиболее остро реагировать на идеинные перемены эпохи и, соответственно, впитывать в себя весь спектр сегодняшних настроений – от постмодернистского ценностного скепсиса до крайне материализованного эпикуреизма. Это утрата талантливого коллеги и авторитетного наставника для всего преподавательского состава. И Учителя – для студентов.

Одним словом, в лице А.С. Панарина многие и многие оказались лишены авторитета. Авторитета личности, предлагающей пути не соглашательства с жестоким давлением современного мира. Личности, чей образ мыслей и идеи служили для многих опорой – даже для тех, кто знал о системе идей А.С. Панарина лишь понаслышке, но для кого даже общее, относительное знание о его позиции являлось основанием полагать А.С. Панарина за авторитет. А ведь наличие авторитета особенно принципиально и важно в наши дни всеобщего равнодушия и безверия, когда заблудиться в идейно-нравственном лабиринте становится особенно легко.

А.С. Панарина можно смело назвать самой крупной и авторитетной фигурой на философском факультете за последнее десятилетие. Очевидно, также его можно назвать самой крупной фигурой отечественной теоретической политологии. По масштабам научной деятельности, степени новаторства в теоретических разработках уже сейчас можно предполагать, что А.С. Панарин если не основал отдельную научную школу, то оставил глубочайший след в современной политологической мысли.

Однако при воспоминании личности А.С. Панарина хотелось бы особенно сосредоточиться не на том безус-

Александр Сергеевич Панарин (1940 – сентябрь 2003). Профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой теоретической политологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Руководитель Центра социально-философских исследований Института философии Российской Академии Наук. Действительный член Российской Академии политических наук, Российской Академии естественных наук, Российской Академии славянской культуры, Нью-Йоркской Академии наук. Автор более 300 научных работ, в том числе 15 монографий и учебников. А.С. Панарин – лауреат премии имени М.В. Ломоносова II степени за монографию «Ренессанс истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке».

ловно великому значению, которое сыграла его научная деятельность для российской общественной науки, – значению, еще при жизни закрепленному всеобщим признанием и внесенному в отечественные анналы. Хотелось бы еще раз вспомнить и особенно подчеркнуть важность того факта, что Александр Сергеевич, в большей степени в последние годы жизни, оправдывал звание православного ученого. Именно оправдывал звание – потому как являться православным ученым не значит, подобно другим христианам, только лишь исповедовать свою веру, находясь в ограде Церкви. Путь православного ученого заключается в исповедании Истины христианства своей наукой, в утверждении Истины знанием, в очередном доказательстве Правды эмпирическими методами определенной сферы мироздания. Можно сказать, что ученый-христианин, раскрывая логику природных закономерностей, таким образом косвенно свидетельствует о Божественной гармонии, присутствующей в мире. Физик – через разговор о свойствах природных тел, химик – о свойствах веществ, биолог – через обнаружение витальных законов в существовании организмов. Для А.С. Панарина как для философа-обществоведа органичным было усматривать закономерности через изучение социальных процессов, исторических законов и через них определять истинные и ложные ценности в мире.

По своей идейно-научной ориентации А.С. Панарин относился к умеренно-консервативному, традициона-

листскому течению в общественной науке. В центре его научной концепции, исторософской схемы стояло изучение современной цивилизации в глубоком, фундаментальном социокультурном разрезе, рассмотрение социально-политических феноменов с позиции их национально-культурной идентичности, своеобразия. Однако в христианском измерении самым важным достижением научных изысканий А.С. Панарина можно назвать то, что он, последовательным путем ученого, философа-цивилизациониста, через логику общественного исследования и изначально беспристрастные сравнения культурных феноменов, сращения к идеалам Православия. Последние годы научной деятельности Александра Сергеевича были посвящены исследованию современных социальных процессов (как внутри России, так и в мировом масштабе) – именно сквозь призму православного мировидения и, во-первых, защиты христианских нравственных и социальных идеалов и норм, а во-вторых, применения естественно-научных методов для доказательства их единственной истинности и ценности.

Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллыны ищут мудрости (1 Кор. 1:22). Ученый-христианин, несомненно, является своеобразным миссионером в своей области науки, причем миссионером «классической школы» – когда разговор с миром ведется конкретными, ему, данному миру, свойственными средствами. В этом плане А.С. Панарин также можно назвать катехизатором в мире науки, миссионером для по-

литологов – который, действительно, «с эллинами как эллины, с иудеями как иудеи» – проповедь происходит перед светской, принципиально секулярной аудиторией востребованными и знакомыми ей средствами. Следует заметить, что величина ученого авторитета А.С. Панарина являлась дополнительным аргументом в процессе обоснования христианских ценностей. И можно сказать, что в этом была еще и его «благая миссия» для философского факультета, места, на протяжении семидесяти лет вынужденного быть «цехом» партийно-атеистической идеологии, где христианская теологическая система по определению полагается в один ряд с атеизмом и в итоге довелась вывод о «тщетности всего сущего» и суете сует. Как известно, в подобной среде скептически настроенной научно-гуманитарной интеллигенции попытки защищать Православие воспринимались и до сих пор воспринимаются как некое юродство. А.С. Панарин же всегда являлся в этом одно значимым и едва ли не единственным исключением. Значимость его как ученого, авторитет в научном мире фактически не оставляли места для критики, ставящими безмолвствовать скептиков – и открывали этим возможность открытого разговора, расстановки акцентов и приоритетов при оценке общественных проблем. И в этом – его отдельная большая заслуга для право-

Ученый-христианин, несомненно, является своеобразным миссионером в своей области науки.

славного общества сегодняшней России: христианские ответы общественного исследователя на многие злободневные вопросы окружающей светской реальности.

По своим взглядам А.С. Панарин всегда являлся убежденным антизападником. Главным пафос его последних работ – критика одномерности современного мира по американской модели, процессов глобализации, секуляризма и ценностной девальвации, и предложение путей выхода, борьбы с глобальными тенденциями, основным противоборством в которой является обращение к православному Истине. Эти мысли были выражены Александром Сергеевичем в работе «Искушение глобализмом».

«Православная цивилизация в

глобальном мире» явилась одной из последних работ А.С. Панарина. В 2001 г. Александр Сергеевич был награжден за данный труд Солженицынсовской премией.

Если говорить об А.С. Панарине как о преподавателе, то у меня, вчерашней студентки, возникает желание рассказать о впечатлении от его лекций «изнутри» студенческой аудитории. Современные студенты, в особенности же студентствующие во многом изысканно-искусительные философские и политические науки, – народ достаточно претенциозный и требовательный, и в их представлении очень немногие, поднимающиеся сегодня перед ними на кафедру, заслуживают называться Учителями. Однако А.С. Панарин являлся таковым даже для самых безалаберных и равнодушных – достаточно сказать, что на его занятия считалось неприличным опаздывать (достаточно редкое отношение к дисциплине в современном университете). В целом же на лекциях А.С. Панарина возникало ощущение продолжения традиций прежней, классической университетской научной школы, в которой передача знаний от учителя ученику была наполнена почти сакральным смыслом и возведена в ранг важнейших процессов существования социума.

Говорят, жизнь проходит не зря, если дело человека переживает его самого и приносит пользу людям. На-

следие трудов А.С. Панарина еще ожидает пристального изучения научным миром – однако пристального внимания со стороны нашего общества оно заслуживает уже сегодня, в силу актуальности поставленных вопросов и необходимости срочного поиска ответов на них. Особенно же важно знать о них тем, для кого вопрос о правильных очертаниях православно-гражданской позиции остается открытым – а между тем решение его становится все более насущным в период сближения Православной Церкви и общества в России и одновременного роста секулярных настроений за ее пределами.

Елена ЖОСУЛ,

выпускница философского факультета МГУ

■ ТД-НОВОСТИ

ИТАЛИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ МУСУЛЬМАНСКОЙ СТРАНОЙ, ЗАЯВИЛ ИЗГНАННЫЙ ИМАМ

Мусульманский религиозный лидер, имам Абдул Каadir Фалл Мамур, высланный из Италии в Сенегал, заявил, что Италия должна стать исламским государством. «Пророк Мухаммед сказал, что Рим должен стать исламским государством, и мы работаем над этим», – сообщил Мамур в интервью сенегальскому радио. Он добавил, что сотни молодых итальянцев приняли ислам. Мамур был выслан из Италии 17 ноября, после того, как заявил, что итальянцы, будучи союзниками США, в Ираке и Афганистане несут заслуженную кару. Имам также сказал несколько слов в защиту Усамы бен Ладена, с которым он якобы встречался в Судане.

MIGnews.com

СПУСТЯ 25 ЛЕТ СО ДНЯ «ДЖОНСТАУНСКОЙ БОЙНИ» В США НАСЧИТЫВАЕТСЯ БОЛЕЕ 1000 СЕКТ

18 ноября исполнилось ровно 25 лет со дня «Джонстаунской бойни». В конце 70-х г.г. некий Джим Джонс, житель Сан-Франциско, основал свою собственную секту, а позднее – и целую колонию в г. Джонстаун (Гайана). Очень скоро число ее обитателей достигло тысячи человек. Однако 18 ноября 1978 г. индияля закончилась: Джонс приказал своим последователям покончить жизнь самоубийством. Джонс и его люди также отравили цианистым калием 227 детей, находившихся в колонии. Всего в бойне погибло 913 человек. По мнению многих людей, знакомых с проблемой, трагедия может повториться и в наше время: на сегодняшний день в США насчитывается до 1000 сект, которые существуют вне надлежащего контроля. По мнению экспертов, это стало возможно ввиду более чем либеральной трактовки государственными органами Первой поправки к Конституции, гарантирующей свободу слова и самовыражения.

Russian NY/
Regions.Ru/Седмица.Ru

ЗАМЕТКИ НЕПОСТОРОННЕГО

Статья, представленная в этот раз в «Дискуссионном клубе», содержит едва ли не самую суровую критику «Татяничного дня» за последний год его существования, со значительной частью которой мы все-таки не могли бы согласиться. Однако вопросы, поднимаемые в ней, требуют своего обсуждения, которое открывается в этом номере.

Статья И. Петухова со вставками главного редактора «ТД» М. Большакова («ТД» №2 (51), 2003) посвящена Масяне – интересному персонажу молодежной культуры. Оговорюсь: я не имею ничего против Масяни, хотя по эстетическим соображениям ей не симпатизирую. Но статья показывает психологию тех, кто должен оказывать определяющее влияние на умы и души современной православной молодежи – а газета домового храма Московского университета должна претендовать на эту роль. Дух статьи выражен в словах последнего абзаца: «Буржуазные пороки и добродетели еще не окончательно привились на нашей родине». (Кстати, надеюсь, что слово «Родина» написано с маленькой буквы только вследствие опечатки). В приведенных словах сформулирован диагноз болезни, от которой страдает Россия два века и от которой она погибнет, если не предпримет срочных усилий к излечению.

Еще И. Ильин писал: «Напрасно думать, что революция готовится в России буржуазную демократию. Буржуазная особь подорвана у нас революцией; мы получим в наследство пролетаризованную особь, измученную, ожесточенную и деморализованную». К тому же в 90-е гг. в России набрали силу процессы, развернувшиеся на Западе с 60-х гг.: личная, общественная и интеллектуальная жизнь в новом обществе стала строиться на отвержении традиционных ценностей. Именно тогда на Западе и в России появляется невиданное зло – современный терроризм, являющийся собой не отдельные теракты против неугодных политиков, но приватизацию сатанинских методов тоталитарного государства небольшими бандами подонков (М.Ю. Соколов. *Поэтические воззрения россиян на историю. Книга 1. Рассказывая // Терроризм как дитя телевизионной реальности*). Механизм разрушения христианской цивилизации показан П. Бьюкененом в его книге «Смерть Запада», которая должна стать настольной для каждого интеллектуала. Сознания, какаля эпоха на пороге, мы обязаны обратиться к опыту предков – прежде всего, XX века, когда

гибель цивилизации в ходе двух мировых войн часто казалась близкой. Самой страшной угрозой XX века был германский милитаризм, сокрушенный не романтическими антибуржуазными героями, а людьми простыми, сражавшимися, даже в Красной Армии, за буржуазные по преимуществу ценности: свой дом, свою семью, свое достоинство, наконец, свое Отечество. В литературе это ярко показали два автора: ветеран I Мировой войны Дж.Р.Р. Толкин и ветеран II Мировой войны В.Ш. Некрасов. Все мы должны помнить, что именно таким, как правило, ничем не выдающимся людям мы обязаны тем, что физически существуем.

Поисно, что я имею в виду под буржуазными ценностями. Речь идет о прежде всего о семье и частной собственности (а только экономически независимый человек может не быть в зависимости от власти и денежных мешков). Отношение коммунистическое тоталитаризма к семье прекрасно показано в статье С.С. Аверинцева «Солидарность поколений как фактор граж-

дани Махатхира Мохаммада, выступившего на заседании ОИК со вполне геббельсовскими заявлениями. Многие авторитетные эксперты считают, что сохранить свои позиции эти элиты могут, только окончив с капитализмом и прежде всего – с западным средним классом («Эксперт», №38 (391), 2003).

Эта коллизия заставляет с вниманием отнестись к гипотезе о черно-зеленом фашизме как о будущем Европы. С конца 19 века Германия пыталась использовать мусульманских подданных России и Великобритании против метрополий. Наибольшие успехи были достигнуты нацистами: молодые офицеры египетской армии, впоследствии ввязавшие в свои руки управление страной, все были связаны с германской разведкой: Азвар Садат, арестованный британской контрразведкой за шпионаж в пользу Германии, до конца дней держал бунт Гитлера на рабочем столе; мурфит Иерусалима Хаджи Амин аль-Хуссейни сотрудничал с нацистскими спецслужбами с 1933 г., а генералитет иракской армии поднял в мае 1941 г. при помощи Германии и

С уверенностью можно утверждать, что сейчас идет III Мировая война.

данской свободы» (Вестник РХД, 2002, II). Основной вывод статьи – советский режим сначала пытался минимизировать роль семьи, а затем пытался использовать ее в своих целях (то же путь прошел и германский нацизм).

В конце XX века в США и Европе к власти пришла новая элита – выросшие представителями поколения 60-х, поднявшего на щит воинствующее отвержение христианских ценностей, разврат, наркотики, культ физидизма и терроризма. Наиболее известными представителями этой элиты являются экс-президент США У. Клинтон и экс-премьер Франции Л. Жоспен. Нельзя обманываться тем, что сейчас у власти на Западе представители правых партий. Достаточно вспомнить, что нынешний президент США Дж. Буш сделал свой первый миллион на сделке с братьями бен Ладенами, а Ж. Ширак на днях вступился за премьера Малай-

Италии во время восстания. После II Мировой войны многие нацистские преступники бежали в арабские страны, часть из них способствовала становлению исламского терроризма. С уверенностью можно утверждать, что сейчас идет III Мировая война. Ее отличие от предыдущих мировых войн состоит в том, что война и теракты пока не являются главными средствами. Важнейшую роль в нынешней войне играют демографический (последовательный захват территорий Европы мигрантами из мусульманских стран) и пропагандистский факторы. Действенным средством борьбы является сама террористическая угроза, вынуждающая государства тратить огромные средства на безопасность, подрывая собственные экономики (наиболее показательные примеры – США и Израиль). Наконец, причина того, что страны Севера обречены на поражение, состоит в том, что с врагом невозможно покончить

Левые не дремлют

военным путем: разгромить страны, являющиеся опорами терроризма (прежде всего, Саудовская Аравия, другие страны Персидского залива, Иран, Пакистан, Турция) вполне возможно, но контролировать их огромные территории нельзя и общими силами антитеррористической коалиции. Кроме того, террористические организации, лишь опирающиеся на помощь национальных правительств, настолько законспирированы, децентрализованы, автономны в финансовом отношении и многочисленны, что подобные меры сами по себе лишь сыграли бы им на руку. Члены антитеррористической коалиции разрозненны: о какой-либо надежности Европы нельзя говорить, а пять главных антиисламистских держав — США, Россия, Израиль, Индия и Китай — разделены инерцией старых конфликтов и неанализируемыми спорными связями с исламистскими странами.

Как христиане мы должны по-

мнить о мучениках, принявших смерть от мусульман. В частности — о новомученике Евгении Родионове, казненном 23 мая 1996 года под Бамутом за отказ отречься от веры Христовой. Мы должны ясно понимать, кто противостоит не только нашему Отечеству, но и нашей вере.

Выбор таков: рано или поздно погибнуть в борьбе с имеющим отчетливо сатанинские черты врагом, или стать им. Не изменив себе, мы можем лишь погибнуть, но важно, каким образом: пасть в борьбе, как Византия, или позволить варварам заселить наши земли и снять завоёванное, как Западная Римская империя. Для первого варианта необходимо (будем здесь говорить только о России), чтобы народ сохранял верность духовным основам своего бытия: лишь преодолев соблазн униатства (хотя формально уния сохранялась, она была фактически отвергнута народом и духовенством), Константинополь сумел до-

стойно провести последний бой. Россия в плане идеологическом и религиозном находится в тумане на краю пропасти. Милость Божия уберегла ее от гражданской войны. В 90-ые годы Россия дважды была от нее недалеко: в октябре 1993 и в 1996 году: тогда во время избирательной кампании появились несомненные признаки состояния гражданской войны: все знали, против чего они выступали, но, как правило, слабо представляли, за какое будущее России они отдают свои голоса. Только этим можно объяснить поступление монархиста о. Александра Шаргунова в большевистские попутчики. Если бы коммунисты, не каясь в преступлениях против Церкви и Отечества, смогли легитимизировать свою власть при помощи русского Православия, это было бы предательством сотен тысяч новомучеников, пострадавших от большевиков, своего Господа. Увы, изудину греху потворства коммунизму подвержены многие миряне и клирики Церкви. Лишь на путях восстановления преемства с исторической Россией возможно возрождение Отечества. Мы обязаны рассчитаться с историческими ошибками наших предков, иначе кара за их грехи падет на нынешнюю Россию.

Что же требуется от нас? Полагаю, прежде всего вывезть каленым железом лезвию в наших душах. Пока мы не осознаем, что укрепление семьи и частной собственности — основы самостоятельного человека и гражданина, а следовательно, нормального общества и государства — есть главная задача России, выполнение которой только и позволит встать за все прочие, сотрудники приходской газеты домового храма Московского университета, будем напоминать врача-нарколога, сидящего на игле. Пока от иных материалов газеты за версту несет Франкфуртской школой, даже говорить о выполнении ими христианского и гражданского долга предосудительно.

Нынешняя война является частью той невидимой брани, которую враг рода человеческого ведет против христианства. И прогрессивные интеллектуалы, самоотверженно пляшущие сук на котором сидит европейская цивилизация, в том числе их собственные ценности и физическое существование, и фанатики, возглавляющие мусульманские правительства и террористические организации — лишь пешки в его руках.

Николай КЛЕЦИН

О БОРЬБЕ С «БУРЖУАЗНОЙ» КУЛЬТУРОЙ

«Татьянин день» на моей памяти в чем только не обвиняли: от черносотенства до масонства, - но упреков в левизне и антибуржуазности (как, впрочем, и в подлинности «сука, на котором сидит европейская цивилизация») я что-то не припомню. Это обвинение несколько странно. Наоборот, «ТД» довольно буржуазная газета: иначе зачем она стала бы столь упорно гоняться за последними новинками массовой - тоже буржуазной - культуры (на ее страницах за последние два года не был пропущен, пожалуй, ни один надувающий блокбастер, о которых настоящим неформалам и говорить как-то неприлично). Поэтому я буду защищать отнюдь не «ТД», а сам принцип антибуржуазности.

Во-первых, выступления против тех или иных форм буржуазности вовсе не означают, что их сторонники придеркиваются к левым и, тем более, коммунистическим взглядам (как человек, не являющийся фанатом «Реала», не обязательно фанат «Спартак»). Под буржуазной в данном случае следует понимать вполне определенную и едва ли не главенствующую ныне систему ценностей, в которой главный смысл жизни заключается в достижении материального благополучия и перенесении товарно-денежных отношений на все сферы, в том числе и духовной, жизни. Из этих принципов в современном обществе вытекает своеобразный культ потребления и рекламы, пона и всяческие другие формы легкоуязвимой и технологически эффективной буржуазной культуры, полнокорректность, затыкающая глотку любому отжившемуся иметь хоть какое-то мнение, поверхностное бестрагичное понимание жизни, и многое другое. Понятно, что это мировоззрение глубоко чуждо не только христианину, но и любому думающему и хоть сколько-нибудь глубокому человеку. В этом смысле коммунистическая идеология тоже глубоко буржуазна, а обещаемое ей «светлое будущее» слишком смахивает на буржуазный, «прибранный рай». И наоборот, многие до-революционные, да и современные русские предприниматели, много послужившие Церкви, Отечеству и русской культуре, были глубоко антибуржуазны.

Во-вторых, даже если понимать под буржуазными ценностями семью и частную собственность, как это де-

лает автор предыдущей статьи (хотя семья не только буржуазна, а сейчас совсем не буржуазная ценность), - все равно считать утверждение этих ценностей «главной задачей России», с точки зрения христианина, по меньшей мере, странно. «Свой дом, своя семья, свое Отечество и, уж тем более, свое достоинство», - отнюдь не самое главное в человеческой жизни. Именно потому, что миллионы людей готовы были пожертвовать всем этим, да и самой жизнью «за други своя» и высшую правду, германский фашизм и был сокрушен во II Мировой войне, по этой же причине русская Церковь кровью мучеников за Христа выстояла в годы гонений.

Кроме того, насколько я понимаю, главная угроза для России сейчас заключается в том, что выросло уже целое поколение людей, для которых карьера и связанное с ней социальное благополучие, ставилось выше и «своего дома», и «своего отечества». О священности частной собственности уже так много говорилось, что сейчас уместнее было бы сказать, что она отнюдь не цель, а лишь средство.

Не стал бы я и разделять фатализм автора о неизбежности поражения христианской цивилизации от исламского фундаментализма.

Но все же, возникает подозрение, что в значительной степени и я, и редакция, и автор статьи просто не поняли друг друга, и наш спор о словах. Но ведь слова как раз и есть тот материал, из которого делается газета. Будем выбирать их осторожней.

Михаил БОРМЕНТАЛЬ

ДЕТСКАЯ У ПРАВОСЛАВ

Пусть станет
девицом тысяч,
русской
содронется Вуш!
каленным железом
высечь
левизну
из наших душ!

Неизвестный подражатель В. Маяковского.

Встретил тут как-то случайно главного редактора «ТД». Давно не виделся. То я в отъезде, то он в работе. А тут посидели культурненько так, поговорили о том, о сем, ну а под конец, как водится, разговор на работу свалился. Тут он возьми и скажи: «И чего вам всем так Масляя не нравится? Вот, - говорит, - еще одна статья пришла на машинку тематику. Хочешь посмотреть?» Ну, мне конечно интересно, что еще там чего против Масляя написал. Взял я письмо, стал читать. Автор письма - молодой интеллект (как он сам себя позиционирует) по имени Николай. Пишет Николай сразу о многом: тут и Масляя, и исламский терроризм, и буржуазные ценности, и разные политологические и историко-софские размышления. Я подумал даже, на что больше похоже, на суп или на кашу. Я человек простой, а тут, как говорится, без поллитры не поймешь. Но я все же решил разобраться, что же все-таки автор имел в виду? И вот что у меня получилось...

Во-первых. О терроризме. Автор письма пишет, что современный терроризм появился в 60-е гг. XX, как я понял, века. А как же тогда М. Бакунина, В. Засулич, С. Калаян, М. Богров, В. Савиоков и т.д., и т.д., имя им легион. И чем вообще современный терроризм отличается от какого-либо еще? Только техническими средствами исполнения, и не более того. А так, терроризм - он и в Африке терроризм (там он, кстати, получил широкое распространение, действительно, только лишь в последние десятилетия). А чем принципиально покусение на Папу Иоанна Павла II, отличается, например, от покусения на петербургского градоначальника Трепова? И таких вопросов

БОЛЕЗНЬ ЛЕВИЗНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

можно задать множество. Некоторые исследователи явления выводит современный терроризм, особенно исламский, из деятельности на Ближнем востоке средневековой секты ассасинов, но это, как говорится, дела давно минувших дней.

Во-вторых. О христианской цивилизации. Но что это вообще такое? Согласно теории цивилизаций, которая изложена в трудах А. Тойнби, С. Хантингтона и многих других, буржуазных, как бы сказали еще недавно, историков, христианская религия лежит в основе по крайней мере трех цивилизационных типов: западной, латиноамериканской и восточно-европейской, или православно-славянской (по Хантингтону), основой которой и является Россия. Если автор с этим не согласен, требуется более солидное обоснование.

В-третьих. О буржуазных и иных ценностях. За что сражались простые бойцы Красной Армии, сокрушившие германский национал-социализм, я думаю, понятно. В том числе и автору статьи. Правда, если он скажет, например, до сих пор живущим участникам той войны, что они воевали за буржуазные ценности, то они его просто не поймут. Вопрос, как мне кажется, в другом. А именно, кто первым додумался назвать такие абсолютные, казалось бы, понятия, как своя семья, свой дом, свое Отечество, буржуазными ценностями? И ответ предельно ясен. Он известен каждому, кто учился в любом ВУЗе до 1991 года, и содержится в фундаментальнейшем труде «Происхождение частной собственности, семьи и государства», который просто обязан был знать каждый студент СССР. Если автор статьи связывает любовь к Родине и ближним (о частной собственности говорить не буду) с ценностями «господствующего класса при капиталистическом способе производства», то тут уж, действительно, за версту попахивает марксизмом. Хотя оценки изменены на противоположные.

Если уж говорить о семье, то она является абсолютной ценностью практически для всех цивилизаций и культур, за исключением, может быть, очень немногих, маргинальных, языческих.

А вот с частной собственностью далеко не все так просто. На православном Востоке (читай: в России) частная собственность рассматривалась как мера ответственности человека перед Богом. «Кому многое дано, с того много и спросится». Считалось, что каждый на Страшном Суде должен будет представить отчет о том, как он распорядился данным ему достоянием. В этом принципиальное отличие от протестантской идеи о том, что богатство – показатель избранности перед Богом. Поэтому на западе богатство само по себе приобретало категорию святости. Так что с «укреплением частной собственности» нужно быть осторожными: как бы не впасть в ересь кальвинизма.

Если автор статьи связывает любовь к Родине и ближним с ценностями «господствующего класса при капиталистическом способе производства», то тут уж, действительно, за версту попахивает марксизмом.

Однако вернемся к статье. Очень интересный пассаж: «Только экономически независимый человек может не быть в зависимости от власти имущих и денежных мешков». Звучит красиво, конечно, но все это не более чем идеологический штамп времен поздней перестройки. Действительно, что подразумевается под термином «экономически независимый человек» и как можно достичь подобной независимости? Если человек получает зарплату, даже очень большую, то он зависит от того, кто ее ему платит. А это либо государство («власть имущие»), либо частный работодатель («денежный мешок»). Можно, конечно, и самому заняться предпринимательством, только и в этом случае сохраняется зависимость от власти имущих (налоги, законодательная база, кредитно-финансовая система) и от денежных мешков (балковская система, поставщики, смежники, рынки сбыта и т.п.). Не хочет ли автор статьи вернуться к натуральному хозяйству?

Далее пассаж на тему исламской

Буржуазные ценности!

опасности для Европы. Что ж, таковая, безусловно, существует. Но вот приведенный пример, на мой взгляд, совсем не показателен. Да, разумеется, германские спецслужбы сотрудничали с любыми антибританскими силами, в число которых входили, не в последнюю очередь, арабские националистические организации. Но вот саму Европу, кажется, именно Гитлер хотел очистить от всякого рода инородцев, в т.ч. арабов, турок и прочих мусульман... Плюс, после разгрома Германии, действительно,

многие нацисты, особенно из спецслужб, бежали на Ближний Восток. Многие были связаны и с террористическими организациями. Все это так. Но не меньше фашистских недобитков бежало и, например, в страны Латинской Америки, под крыло вполне буржуазных режимов. Поэтому приведенный пример, увы, не показателен.

Дальше – больше. «Выбор таков: рано или поздно погибнуть в борьбе с имеющим отчетливо сатанинские черты врагом, или стать им. Не изменив себе, мы можем лишь погибнуть». Откуда такое убеждение, что добро всегда слабее зла? Мы знаем примеры многих святых, которые побеждали противников веры, не пользуясь методами борьбы Врага (понятно, какого врага рода человеческого я имею в виду). Мир действительно погибнет. История будет иметь свой конец. Об этом сказано в Откровении Св. Иоанна Богослова, но мы еще позволим и, может быть, вполне успешно.

Ю.Б.

ломпен из колбасного отдела

КИНО С ПЕТРОВЫМ

6 сентября 2003 года новичку в полнометражном кино, режиссеру Андрею Звягинцеву был присужден главный приз Венецианского кинофестиваля — «Золотой лев», а несколькими днями позже его фильм «Возвращение» получил приз за лучший дебют. «Золотой лев» — режисский гость в нашей стране. Российским фильмам его присуждали только два раза: Андрею Тарковскому за фильм «Иваново детство» и Никите Михалкову — «Ура — территория любви». Список призеров Венецианского кинофестиваля более чем внушительный. В разные времена «Золотого льва» получали: Алан Рене, Акира Куросова и др., — именно в такой представительной компании оказался Андрей Звягинцев, бывший дворник и актер Новосибирского ТЮЗа.

ТЯЖКИЕ ЗАГАДКИ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Легкие заметки о самом популярном российском фильме последних лет

В этом предельно открытом и простом фильме непонятно только одно: наличие столь откровенно просматриваемых режиссерских аллюзий. Для чего они в такой сильной работе? Попытка вызвать у искусственного в кино зрителя живой интерес, сопереживание происходящему? Но и без них этот фильм не может оставить никого безучастным. Или это желание режиссера органично вписать себя и свою дебютную работу в историю мирового киноискусства? Так, сцену в родительской спальне, практически полностью вырезанную из «Постальгии» Тарковского, не сможет узнать разве только впервые пришедший в кино человек. Крупный ракурс лица, полные выразительности глаза героев, тревожный цвет — все это всего лишь более качественные, но отнюдь не оригинальные продолжения найденных еще Тарковским решений.

Так, долго длящаяся сцена со спящим отцом вызывает яркое, с художественной точностью воспроизводит атмосферу одной из самых страшных картин итальянского живописца А. Мантенья «Мертвый Христос». Что это, очередная смысловая нагрузка, отсылка к последующей смертельной развязке? Или намек на очередную постмодернистскую игру с моделью искусления (как, например, у Триера в «Расеяная волна»). Ведь в дальнейшем можно истолковать происходящее как намек на скрытую любовь отца, на желание сделать все как можно «лучше». Можно и увидеть, что в его смерти был сокрыт залог настоящей (= мужской) жизни для его сыновей, а значит, и элемент собственной крестной жертвы. Откуда исходит подобное преувеличенное внимание к этим особенностям чужого стиля, временами весьма убедительно похожее просто на пародию, непонятно.

В своей сюжетной линии этот фильм напоминает «Мертвеца» Джармуша. В обоих фильмах смерть неизменно следует за главным героем по пятам, ее зловещая маска угадывается за каж-

дым пейзажем, за каждым взглядом героя. Эстетика смерти, превосходно показанная в черно-белом варианте, вновь возвращается к нам в мрачной цветовой гамме. То же самое странствие в страну теней, переправа через реку, отделяющую два мира. Главный герой возникает в жизни своей семьи непонятно откуда. Дальнейшие события все проясняют: это мертвец, который стремится обрести покой в мире живых. Но все напрасно, власть смерти слишком велика над ним: в заключительных кадрах наш герой, так же, как и у Джармуша, погружается на лодке в бездну, откуда нет возврата. Правда, в фильме Звягинцева смертные краски сгущены гораздо жестче: он уже оказывается и физически мертв: в лодке плавает уже труп... Все это заставляет вспомнить одно античное поверье. Если принять во внимание, что самым страшным божественным наказанием для древнего грека было лишение его места упокоения в родной земле, то в

этого сюжета именно для нашей действительности. Фабула фильма паразитально точно показывает распространяющуюся атмосферу именно царских сейчас в России внутрисемейных отношений, где отец воспринимается как существо из абсолютно другого, чуждого мира. В социальном и психологическом плане современной семейной жизни мужчина не может быть настоящим, он зачастую оказывается «мертвецом» по отношению к семейным ценностям, к домашнему уюту как в переносном, так, увы, и в прямом смысле. А в раздутых стремлениях главного героя выразить настоящую мужественность скрыта на самом деле так всем знакомая слабость от утраты своего авторитета, от ощущения собственной непричастности, удаленности от теплого семейного очага. Самими детьми, воспитанными, как и в фильме, только исключительно матерями, подобный родитель болезненно будет восприниматься как ужасный

Главный герой возникает в жизни своей семьи непонятно откуда. Дальнейшие события все проясняют: это мертвец, который стремится обрести покой в мире живых.

данном случае эта страшная параллельналицо. Кадры с уходящим в водные глубины трупом паразитально наглядно иллюстрируют библейское: «*Ты поверг меня в глубину, а сердце моря, и потоки окружили меня, все воды Твои и волны Твои проходили надо мною*» (Ион. 3:4). В результате всего в старшего сына вселяется дух проклятой землей и небом отца, он начинает говорить его голосом. Смерть хитро обставляет тех, кто художественно играет с ней в жестокие игры. И распахиваться за это приходится детям. Именно этого молодого актера смерть утащила в свои объятия, но уже в реальной жизни.

После просмотра весьма непонятно становится широко разрекламированная «экзотичность» и доступность этого фильма. Наоборот, хочется скорее сказать о поразительной актуальности

монстр с гипертрофированно раздутыми признаками жестокого сацхи. И если бы не эти «серьезные» аллюзии, можно было подумать, что перед нами гротескная комедия. Уж больно надуманны и искусственны реплики героев этого фильма. Уж больно наиграны ситуации. Но то, как они играют, особенно дети, заставляет просматривать весь фильм затаяв дыхание, следя скорее за этой игрой, а не за легко просчитываемой развязкой сюжета. Именно эта потрясающая игра, отражающая невыносимую горечь разделения, разрыва, тоски, заставляет практически всех зрителей покинуть зал в полном молчании, словно за время сеанса они заглянули в беспросветную мглу окружающего их смертного отчаяния.

Александр ПЕТРОВ

В аннотации к фильму пишут примерно следующее: пока двое мальчишек в дворовых разборках выясняют, кто трус, а кто нет, к ним после двенадцатилетнего отсутствия приезжает отец, которого не помнит даже старший брат. Отец с сыновьями отправляется к озеру на рыбалку, чтобы научиться жить в лесу, ставить палатку, вытаскивать машину из ямы и т.д. Отец учится быть отцом, а дети — быть с отцом.

Отношения вернувшегося отца со своими детьми, их путешествие к озеру разворачиваются на фоне красивейших пейзажей. Все отмечают сходство видеоряда в «Возвращении» с картинкой в фильмах Тарковского. Действительно, в фильме много долгих пейзажных съемок. В «Солннице» в течение десяти минут показывают один только дождь, и ничего больше, никакого действия: падают капли, рабниваются о лужи, размокает земля. «Возвращение» все состоит из таких же туманных и свежо-зеленых кадров, как и фильмы Тарковского. Сценарист «Возвращения» Новоточный после просмотра фильма сказал: «В последний раз я так скучал в кино на «Сталкере». Здесь я не соглашусь со сценаристом: фильм Звягинцева держит тебя в напряжении от начала фильма и до самого конца. В чем секрет этого напряжения, я не знаю. Сюжет течет ровно, никакой стрельбы, никаких погонь, обыкновенное road movie, просто папа с сыновьями едет на рыбалку.

Чем еще, кроме пейзажей, фильм Звягинцева похож на фильмы Тарковского? На мой взгляд, своей абсолютной космополитичностью. В фильме нет никакой национальной идеи, ничего, кроме пейзажей, лиц и речи, что бы указывало на то, что фильм — русского, российского режиссера. Фильм скорее сделан в традициях европейского кино, не по своей стилистике, а по уровню повествования. «Возвращение» мне напомнило фильм Нанни Моретти «Комната сына», тоже, кстати, призера Венецианского кинофестиваля. Как и в фильме Звягинцева, у Моретти создается сильное напряжение, приковывающее взгляд зрителя к экрану до самой развязки.

Возможно, напряжение создает музыка, а может, и игра актеров: и то и другое великолепно исполнено. Музыка в фильме не живет отдельной жизнью. В «Возвращении» вообще все син-

хронно. Чудесные пейзажи увязываются с музыкой, музыка не заглушает звуковой ряд: топот, шум автомобильного двигателя, шелест весел, плеск воды, звук падающих на крышу палатки капель. Очень четкие «экологические» звуки.

Большинство диалогов в фильме принадлежит сыновьям. Именно они — главные герои фильма. Именно они «разыгрывают» трагедию, развернувшуюся в фильме.

После просмотра фильма хочется купить себе развалуху «Волгу» и поехать на природу, на озеро или остров ловить рыбу и плавать на лодке. Есть такой рассказ «Хочется ехать», так вот, после фильма тоже хочется ехать. Возможно, из-за того, что фильм очень красивый. «Возвращение» просто наполнено, или даже переполнено красотой, но красотой не показной. Это красота обычных повседневных вещей, не кремлевской стены, не куполов с золотыми маковками (такую красоту наши режиссеры обычно производят на экспорт). Красивы обычные среднерусские пейзажи, старая деревянная пристань, провинциальный, никому не известный городок. В конце фильма зритель ждет сюрприз: на экране, как в альбоме, показывают фотографии, которые ребята сняли во время своего путешествия. Это заставляет вновь пережить все моменты еще раз, еще раз осознать и почувствовать, про что же все-таки этот фильм.

При всех вопросах, возникающих после просмотра, фильм простой, но не той простотой, которая сродни газетному штампу, а простотой, близкой к гениальности. Его будет интересно посмотреть всем: эстетам, любителям фестивальных фильмов, массовому зрителю. Каждый найдет там что-то интересное и важное для себя. Каждый увидит в этом фильме себя. Все герои фильма архетипичны, собирательны, но, с другой стороны, они не выглядят картонными и ходульными.

Такой фильм хорошо идти смотреть в одиночку, с компанией будет совсем не то. Компания будет отвлекать, мешать погрузиться в фильм полностью, будет связывать с внешним миром.

Когда Михаила Жванецкого в передаче «Дежурный по стране» спросили, что он думает о присуждении премии Венецианского фестиваля российскому режиссеру, классик ответил: «По-

смотрите, какое у мальчика хорошее лицо». Действительно, у «мальчика» очень приятное лицо, он похож на школьника-отличника. Этот «мальчик» действительно дебютант, никогда до этого фильма не работавший в кино, снимавший только рекламу на телевидении. До недавнего времени казалось, что российский кино уже никогда не будет представлено среди победителей на кинофестивалях мирового масштаба. Дебютант в кино Андрей Звягинцев с первого фильма завоевал главный приз одного из самых престижных в мире фестивалей. Он за два года сотворил то, на что другие люди, возможно, не менее талантливые тратят всю свою кинематографическую жизнь, от фильма к фильму улучшая свой профессиональный уровень и оттачивая мастерство. Ему не понадобилось колоссальное упорство на этом пути, не понадобилась целая жизнь, он добился своего малыми средствами. Он молодец.

Ксения САВИНОВА,
студентка
ГУВШЭ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

МОЖЕТ, КТО-ТО КОГДА-ТО ПОСТАВИТ СВЕЧУ...

Церковь, культура, молодежь и домовые храмы вузов России

Тезисы выступления на секции Конференции домовых храмов вузов России (8 сентября 2003 г.)

1. Церковь шире канонических границ, если рассматривать ее в эсхатологической перспективе, под знаком вечности. Если понимать ее как собрание всех, кто имеет надежду достичь Небесного Царства, то, помимо членов Церкви, эту надежду, согласно апостолу Павлу, имеют и иудеи, и язычники в том случае, если жили по закону Моисея (иудеи) или по закону совести (язычники), а стало быть, и те и другие – вопреки нравам своего народа (см. Рим 2:9. 16). И в этом выступлении мне бы хотелось коснуться того пространства культуры, которое вне Церкви, но ведет к ней.

2. Есть области жизни, где поведение человека, живущего вне христианской ойкумены, обуславливается так называемым адамитским преданием – сводом нравственных законов, самоочевидных для разума, но идущих еще от Адама, а потому частично сохранившихся во внебиблейских религиозных традициях. Скажем, таинство брака: вступая в брак, язычники все же не впадают в блуд, но исполняют закон, вложенный во всякую органическую жизнь: плодитесь и размножайтесь. Им не вменяется в вину на Суде то, что они оставили после себя потомство. А вот если совершили аборт, против которого протестует нравственное чувство, за это будут осуждены.

Вузов преподавателем биоэтики в медицинском университете, я веду семинары у студентов из Индии. Так вот, эти природные язычники, практикующие индуизм и буддизм, знают о том, что жизнь начинается с момента зачатия и аборт – убийство; само понятие эвтанази просто не вменяется в их сознание, их понимание этики семейных отношений на порядок выше того, что мы видим у большинства россиян, европейцев, американцев. Понятно, что на фоне нынешней европейской цивили-

зации быть лучше совсем не трудно. Но понятно и то, что противостояние нравственному распаду в сфере человеческих отношений разделяет все современное человечество на тех, кто, пусть и неосознанно, но восходит к Невбу, и тех, кто выполняет злую волю человекоубийцы искони – дьявола. Здесь церковная жизнь во Христе во всей полноте нравственных императивов Евангелия соприкасается с той малой толикой нравственности, которая раселана среди всех народов, присуща человеческому сознанию как таковому, и следование которой, по точному наблюдению Паскаля, даже атеиста подводит к той чистоте сердца, без которой невозможно созерцание Бога и общение с Ним. Как возможно это общение для нехристиан – тайна посмертия и жизни будущего века. Но общезначимость нравственных норм – один из аргументов в пользу того, что и те, кто не по собственной воле оказались вне Церкви, не вычеркнуты окончательно из Книги жизни.

3. Каким же образом человеку, не приобщенному опыту библейского Откровения, открываются нравственные горизонты бытия? Через усиление мысли. Не случайно в притворе Благовещенского собора Московского Кремля изображены Платон, Аристотель и иные философы древней Греции; они взрыхлили почву эллинизма, и апостольская проповедь принесла богатые плоды. Благодарные ученики – богословы Византии – причислили их к лику блаженных дохристианских трудников нашего спасения, чьим подвигом была мысль.

Россия не Греция. И у нас есть свои детоводители ко Христу. Многие из них были вне Церкви, иные у стен, иные на пороге, были и те, кто сочетал в себе глубочайшую церковность и образованность. Александр Сергеевич Пушкин, Николай Васильевич Гоголь, Федор Михайлович Достоевский, отец и сын Соловьевы, Василий Васильевич Розанов, Николай Александрович Бердяев, Осип Эмилевич Ман-

дельштам, Марина Ивановна Цветаева, Семен Людвигович Франк, Георгий Петрович Федотов, Борис Леонидович Пастернак, Анна Андреевна Ахматова, Владимир Семенович Высоцкий, Алексей Феодорович Лосев (монах Андроник), Иосиф Александрович Бродский, Дмитрий Сергеевич Лихачев – список можно продолжить. Это учителя. Те, кто дали нам язык, мысль, науку. По их книгам мы учились таинству слова, в их жизненных коллизиях обрели опыт жизни, их интеллектуальная честность и личное мужество давали нам силу свидетельствовать об истине, как бы мы ее ни понимали, в любых ситуациях и при любом строе. Сам воздух русской культуры – это, по слову Мандельштама, горный воздух христианства.

4. Высокая культурная традиция России, отчетливость научного мышления – это то, что позволяет современной молодежи войти в мир Церкви, приподняться над примитивностью массовой культуры и от сланга Мясни перейти к языку христианской мысли. Это сложный язык; ему учит высшая школа. Благодаря этому навыку нам доступны тексты Ареопагитик, преподобного Максима Исповедника, святителя Григория Паламы и иных мыслителей христианства. Для многих народов эта высота пока недоступна. Нет языка, на котором можно было бы прочитать, нет переводов, к которым можно было бы обратиться, нет интеллигенции, для которой чтение этих текстов – насущная необходимость. Культурное пространство России – уникальная возможность для воцерковления ума, для умного делания в прямом, а не только в аскетическом смысле.

5. Однако само чтение текста предполагает общение. Как минимум, приобщение душевности писавшего. Как максимум, и это очевидно для православного сердца, – молитвенное поминовение автора. Молодежь приходит в храм разными путями. Один из них –

путь мысли, или шире – культуры. Коль скоро мы шли ко Христу и этим путем, мы – ученики, а ученику свойственна благодарность. Мы поминаем тех, кто привел нас за руку в храм. Но на нашей совести и сонм наших невыполненных учителей – крещеных и некрещеных, веровавших и неверовавших, спившихся, сломавшихся, покончивших жизнь самоубийством, погибших от наркотиков. Большинство из

них уже в ином мире. Кто-то жив. Но все они – и Шукшин, и Вампилов, и Рубцов и другие – могли бы, наверное, повторить вслед за Высоцким:

*Я лег на гнибе бытия,
На полдороге к бездну,
И вся история моя -
История болезни.*

Диагнозы, выявлению этой болезни и было посвящено их творчество.

Благодаря их стойкости и правдивости мы остались людьми. Их нет. Они перешли в иную жизнь. Их земная жизнь зачастую была греховной, а церковность минимальной. Поэтому теперь вся их надежда там – в нас. На то, что мы будем для них не строгими судьями, готовыми закидать камнями их могилы, а милостивыми молитвенниками за их мятежные души. В том, что мы их помним и поминаем. От их лица к нам обращены слова известной песни Владимира Высоцкого:

*Я до реветы, ребята, за вас злопучу!
Может, кто-то когда-то поставит свечу
Мне за голый мой нерв, на котором кричу,
И веселый манер, на котором шучу.*

6. Это не означает, что мы обязаны поминать русскую интеллигенцию. Молитвенное правило – личное дело каждого, это вопрос, который, скорее, адресован духовнику. Мне кажется, что благодарная, а потому молитвенная память, – просто внутренняя потребность души. Это действие той Любви, от которой не отлучает ни смерть, ни жизнь, ни наркотики, ни что иное в этом мире. Эта любовь побуждала великих святых Православия молиться даже за бесов, хотя последние и безнадежны для радостной вечности. Душа апостола Павла разрывалась от боли за еврейский народ, отринувший спасение во Христе. Все же русская интеллигенция – не бесы и не иудеи, упорствующие в своем христорочестве. Стало быть, призвание домовых храмов вузов России и в том, чтобы критика ошибок тех, благодаря кому, по большому счету, существуют эти вузы и храмы, все же побуждала верующую студенческую молодежь просить им у Бога прощения грехов и вечного упокоения там, где несть ни печаль ни воздыхание. Ведь другой надежды, кроме нас, у них уже нет.

7. Та же самая заповедь действительной любви – молитвы – объемлет и живущих ныне наших учителей, наставников, преподавателей.

Диакон Михаил ПЕРШИН

«ЕСТЬ ОСНОВАНИЯ С ОПТИМИЗМОМ СМОТРЕТЬ НА ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ»

Игорь Сергеевич Чичуров - выпускник филологического факультета МГУ, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой древних языков исторического факультета МГУ, куратор Церковно-научного центра «Православная Энциклопедия», один из ведущих византинистов России, специалист по византийской историографии, политической идеологии и церковной истории, - в интервью «ТД» о себе, современной византистике, миссионерстве в науке и многом другом.

— Игорь Сергеевич, расскажите, как Вы пришли к занятиям византистикой. До сих пор в сознании многих людей существует «мрачный» образ Византии как такого тиранического и бюрократического государства, где процветали произвол и вероломство. Что Вас могло подвигнуть заниматься историей такого государства?

— Я думаю, что самое главное здесь то общее состояние нашего образования в конце 50-х — начале 60-х годов, когда уже в школьные годы, тем более, в университете можно было получить такое образование, которое позволяло молодому человеку ориентироваться в научном ландшафте. С другой стороны, у нас была возможность обращаться к старшему поколению российских ученых, иногда даже еще и дореволюционному, которое оказывалось очень важным подспорьем в выборе своего будущего пути.

Мне, несомненно, повезло в этом отношении, потому что еще с дошкольных лет судьба свела меня с моим будущим учителем и научным руководителем, Александром Петровичем Кажданом. Когда я окончил школу, он дал мне очень важный совет, что идти учиться надо туда, где труднее.

Мой выбор тогда определялся двумя обстоятельствами. Во-первых, с детства я пристрастился к чтению, и довольно рано особый интерес у меня проявился именно к гуманитарным дисциплинам, хотя в нашей школе

были хорошо представлены и физика, и математика. Хорошим тоном для нас, даже для тех, кто собирался посвятить себя гуманитарным наукам, было учить, например, физику не по традиционному курсу Перышкина, а по университетскому трехтомнику Ладсберга.

Однако решающее влияние на мой окончательный выбор оказал совет Александра Петровича Каждана. Зная о моих склонностях к журналистике (с начала 60-х я активно сотрудничал с Государственной Редакцией Радиовещания для детей и юношества на Государственном Радио, публи-

ковался в газетах «Комсомольская правда», «Московская правда» и других, брал интервью у Юрия Гагарина), он посоветовал получить серьезное образование на филологическом факультете, а на филологическом факультете именно там, где учиться труднее всего, то есть на отделении классической филологии. И впоследствии оказалось, что выбор был сделан правильно не только потому, что, действительно, как давно уже было мудро сказано: «тяжело в учении — легко в бою», — но еще и потому, что классическое образование было и остается солидной основой для практи-

чески любой деятельности в сфере гуманитарных наук, не говоря уже о византиноведении. Для меня классическая филология стала основой последующего выбора византиноведения как специальности. Вплотную с этим я столкнулся уже на 3-м курсе, когда впервые на кафедре классической филологии А.П. Каждан читал курс «истории византийской культуры», а позже и курс «византийской литературы».

— А все-таки, как быть с мрачным образом Византии?

— Я не скажу, чтобы в те годы, то есть в середине-второй половине 60-х в сознании, да и в литературе, преобладавал стереотипно-негативный облик Византии. Скорее, наоборот, на исходе так называемой «оттепели» интерес к сюжетам, связанным с историей Церкви, с историей христианской эстетики, несомненно, оживился, и одним из ярких примеров этого оживления служит, разумеется, курс лекций Сергея Сергеевича Аверинцева, который тоже оказал определенное влияние на мой последующий выбор. Мне, например, очень запомнился его доклад на нашем студенческом обществе отделения классической филологии, посвященный иконографии Богородицы. Для меня лично образ Византии изначально был окрашен совсем в другие тона, нежели тот негативный образ, возникновение которого своими корнями, на мой взгляд, уходит в средневековье, в эпоху крестовых походов. Возникновение этого образа связано с Западной Европой, а не с Россией, хотя, что греха таить, и у нас летописец давно уже заметил, что «грецы лукавы суть и до сего дне». Надо, правда, отдать должное нашему летописанию, «Повести временных лет», в которой присутствует и принципиально иная оценка одного из виднейших представителей греко-византийского мира, а именно — Киевского митрополита Иоанна II (конец 80-х годов XI века): «Не было на Руси такого митрополита прежде и больше никогда не будет...». Так что неоднозначное восприятие Византии присутствовало на Руси издревле. Существование стереотипно-негативного образа Византии для меня, естественно, не было секретом и, обращаясь к истории Византии, я изначально знал, что как на Западе, так и в России существовало понятие

«византизм» как воплощение всего негативного и в государственной, и в общественной жизни. Но эти негативные понятия несколько не отпугивали от занятия Византией.

Для моего поколения естественным было наглядное знакомство с Византией по собраниям, например, Государственного Исторического Музея. Мои самые первые, еще смутные дошкольные воспоминания — те экспонаты Исторического музея, которые сейчас для меня являются как для профессионала чем-то обычным. Я помню ту лодку-однодревку, которая и сейчас стоит в основной экспозиции Исторического музея. Лодка — типа тех, на которых славяне осаждали в 626 году Константинополь.

— Византия по преимуществу ассоциируется с Православием. В связи с этим, как Вы думаете, насколько религиозные взгляды самих ученых могут повлиять на научную объективность их исследований в области византиноведения?

— Разумеется, изучение истории Византии в Новое время не могло не быть окрашено принадлежностью к той или иной христианской конфессии. Как пример, греческий ученый Лев Аляйди, перешедший в католичество и предпринимавший попытки преодоления церковного раскола (некоторый прообраз будущего экуменического движения). Равным образом известны и те критические оценки Византии в целом, которые окрашивались либо принадлежностью к католицизму или, еще конкретнее, римскому престолу, или, наоборот, к протестантской церкви. Я не говорю уже о тех сугубо негативных оценках Византии, которые связаны с секуляризацией общественной жизни на западе Европы и эпохой Просвещения.

Казалось бы, сейчас, во время отделения Церкви от государства и несомненной секуляризации, обмирщения науки, вопрос о влиянии религиозных взглядов ученых на их научную объективность не должен был бы каким бы то ни было образом проявляться в научном творчестве современных византистов. Но, на самом деле, существует определенное расхождение в оценках и конкретных исторических персонажей византийской истории, и важных событий как византийской, так и общехристианской истории.

Даже отвлекаясь от сложности нашего отечественного научного ландшафта, могу сослаться на пример одного из крупнейших западноевропейских византистов в двадцатом столетии Жильбера Дагрона, который в своей последней фундаментальной монографии «Император и Священник», между прочим, замечает, что современная католическая наука существенно преувеличивает близость св. Феодора Студита к Римскому Престолу в его притовстоянии с Константинопольским Патриархатом. Этот ряд может быть продолжен. Если с этой точки зрения посмотреть, например, четырнадцатитомную «Историю христианства», выходящую параллельно во Франции и Германии в 80-90-е годы прошлого века, посмотреть, как в ней были расставлены акценты в представлении истории христианства и Церкви в целом, то легко заметить, что история Православных Церквей и по объему, и по отношению к ней, конечно, предстают во много более ущербным виде, нежели история иных конфессий.

В нашей отечественной современной византистике, я думаю, что представлены все возможные варианты такого отношения, определяемого и религиозной, и конфессиональной, и атеистической принадлежностью.

— С другой стороны, многие пошлы в византистике именно потому, что были верующими православными людьми и им было интересно изучать историю Церкви, и шире, историю Византии. Многие, сталкиваясь с церковной историей, стали несколько иначе смотреть на христианство. В этой связи, насколько ученый-христианин имеет право рассматривать свою научную деятельность как некое миссионерство?

— Я думаю, что это вполне возможно. Особенно для русского человека, прежде всего, потому что история Руси теснейшим образом связана с историей Византии. История христианизации, появления и распространения христианства, становления Русской Православной Церкви самым теснейшим образом связаны с Византией, Константинопольской Церковью, византийскими императорами и т.д. Печальным образом, существовал длительный период, когда эти темы по известным причинам оказывались

запретными для ученых. Вспомним времена правления Хрущева, когда и посещение церкви, особенно для молодых людей, было делом небезопасным. Я знаю это от моих друзей чуть более старшего поколения, которые учились в университете уже в 50-е годы: по их рассказам, для того, чтобы посетить службу, им приходилось уезжать из Москвы, искать какие-то сельские церкви, где они могли бы в безопасности присутствовать на богослужении. Так что нынешнее обращение, как я вижу, широких слоев нашего общества к сюжетам церковной истории, вполне понятно.

То, что византиноведение по определению изначально связано с историей Православия опять-таки не стоит подробно объяснять. Именно это обстоятельство, не в последнюю очередь, стало причиной тому, что сразу же после революции и до начала 40-х годов византиноведение в глазах власти было скомпрометировано двойко: и своей конституирующей связью с Православием и своей в такой же степени определяющей связью с самодержавием. Поэтому для начинающего византиниста сегодня характерно перенесение акцентов в византиноведении на вопросы, связанные с Церковью в самых разнообразных аспектах: агиография, церковная история, каноническое право. Все это естественно и потому, что слишком долгим был перерыв в изучении этих сюжетов, и, не в последнюю очередь, потому, что в российском византиноведении не только церковная, но и церковно-правовая тематика традиционна была широко представлена.

— Несколько слов о «Православной Энциклопедии». По своему замыслу, это самый крупный научный проект в истории русской церковной науке, и один из крупнейших в мировой церковной науке. Как вы считаете, не слишком ли амбициозную задачу поставил перед собой коллектив «Православной Энциклопедии»? Ведь долгое время История Церкви у нас на родине изучалась довольно слабо, и возрождение этого направления в византиноведении началось относительно недавно.

— В русском языке существует поговорка: «Глаза болят, руки (а я добавил бы: головы) делают». Конечно, проект «Православная Энциклопедия», настолько, насколько я могу су-

дить, без преувеличения грандиозен, даже если его сравнивать с аналогичными проектами, уже осуществленными на Западе. Я назову два примера: это новое издание «Лексикона теологии и Церкви» и второе новое издание, тоже практически полностью осуществленное, «Реальная энциклопедия теологии». Таким же образцом для современного исследователя и читателя может служить и французский проект «Словарь церковной истории и географии». Но, в отличие от немецких изданий, которые осуществлялись в довольно-таки сжатые сроки, на протяжении 80-х – 90-х годов, французское издание было начато в первое десятилетие XX века и до сих пор не завершено, а только-только подступает где-то к середине проекта. «Православная Энциклопедия» по своим задачам, по объему (об этом можно уже судить по шести изданным алфавитным томам и по первому неалфавитному тому «Русская Православная Церковь») может сравняться с этими широкомасштабными энциклопедическими справочными изданиями. Разумеется, мы находимся в положении много более сложном, чем наши немецкие и французские коллеги. Во-первых, потому что, действительно, на многие десятилетия традиция такого рода исследования у нас была прервана. Русская наука вообще не располагает (и не располагала раньше) такого рода изданиями, хотя первая попытка создания энциклопедии такого рода в России была предпринята, но не завершена. Несмотря на все существующие сложности, я по своему врожденному оптимизму смотрю с надеждой на это начинание. Не только потому, что надеюсь на его благополучное завершение, но и еще потому, что уверен, что «Православной Энциклопедии» есть своя сверхзадача помимо создания фундаментального справочного издания. Ведь дело в том, что по ходу подготовки каждого отдельного тома растет круг авторов, и отродна заметить круг молодых авторов, который консолидируется вокруг этого, без преувеличения, проекта века. Тем самым Православная Энциклопедия (церковно-научный центр) выполняет как минимум две задачи:

— первую, конкретную, хотя и масштабную — создание современного справочного издания, «Православной

Энциклопедии»;

— вторую — возрождение церковно-исторической науки в России, которая уже сейчас представляется не только историками, принадлежащему к клиру, к духовенству Московской Патриархии, но и академически-ми историками.

Есть ли основание с оптимизмом смотреть на это начинание именно в двойном ракурсе создания справочного многотомного издания и возрождения историко-церковной науки в России? Несомненно, есть, потому что современный образовательный ландшафт, особенно в Москве, дает основание надеяться на расширение круга исследователей всех тех вопросов, которые связаны с историей Византии в целом, с историей Греко-Православной Церкви, Православных Патриархатов, их взаимоотношений с Римским Престолом, историей РПЦ. Кроме традиционных учебных заведений, где была представлена эта тематика, скажем, на историческом факультете МГУ, появились новые образовательные структуры, в рамках которых готовится молодое поколение исследователей. Назову лишь несколько из этих образовательных структур. Если говорить об МГУ, то это отделение византийской и новогреческой филологии на филологическом факультете. Надо сказать, что и среди студентов отделения классической филологии и по сей день находятся такие, которые обращают свои взоры к византиноведению в самых разных проявлениях этой исторической дисциплины. Помимо Московского Государственного Университета, хорошие предпосылки для воссоздания широкого слоя высокопрофессиональных исследователей существуют в Православном Свято-Тихоновском Богословском Институте на разных его факультетах, где среди прочих кафедр существует, например, кафедра «Истории Церкви и канонического права», и в Российском Православном Университете Иоанна Богослова. Иными словами, существуют определенные предпосылки для возрождения и молодых научных сил, а значит для продолжения и завершения издания «Православной Энциклопедии».

**С И.С. Чичуровым
беседовал
Максим БОЛЬШАКОВ**

■ БЫЛОЕ И ДУМЫ

К сожалению, на конкурсе, объявленный в ТД № 51, не поступило еще ни одного православного постмодернистского рассказа. В рубрике «Былое и думы» мы публикуем рассказ, написанный, несомненно, в лучших традициях постмодернизма, но православным его назвать было бы сложно. Мы начинаем склоняться к мысли, что Православие и постмодернизм – все же несовместимые понятия.

ОНИ ДОЕХАЛИ ДО ПИТЕРА

Рассказ

Четверо студентов ехали в Питер «на собаках».

Когда за окном сделалось настолько темно, что ничего уже нельзя было разобрать за собственным отражением на стеклах, в их вагон вошли трое бродяг.

– Деньги давай, – сказал один из них, а другой вытащил бритву.

– Извини, друг, у нас нет денег. Мы же не буржуи, мы студенты.

– Ничего нет? – спросил человек с бритвой. Ему было нехорошо. Его мутило.

– Ладно, у них ничего нет, пошли дальше, – примирительно сказал третий, он казался самым спокойным и расудительным.

Хлопнула дверь тамбура.

– Ты что, всегда извиняешься, когда тебя грабят?

– Я извиняюсь, когда вижу, что не оправдал чьих-то ожиданий.

– Ты так говоришь, как будто жалеешь об этом!

– Нет, я не жалею об этом. Я и не хотел оправдывать их ожиданий. Но если не извиняться, остается только два варианта. Можно было отобрать у них бритву и перерезать им горло. Всем троем. Если бы мы этого не сделали, то горло перерезали бы нам.

– Это чужь, – его друг отвернулся и закрыл глаза, не желая больше ничего слушать. Он залился, ему казалось, что все могло бы быть по-другому, гораздо лучше, гораздо приятнее. Ну почему они сели в тот же вагон, куда зашли грабители, как они оказались с ними в одной электричке, и неужели ничего нельзя было сделать? Он думал о человеке с бритвой, перед которым извинился его приятель, и странная мысль, удивительная, какой может быть только утешение, поразила его. Он подумал о странном соответствии между движением поезда, следующим к своей конечной станции точно по расписанию, и током крови из разрезанного бритвой горла, кото-

рый несколько мгновений назад мог бы стремительно унести его отсюда куда-то далеко в темноту. Это странное чувство, которое могло бы быть последним в его жизни, показалось ему самым необычным, самым прекрасным и теперь уже самым несбыточным.

– Я чувствую себя так гадко, – сказала одна из девиц, – как будто бы меня изнасиловали. Даже еще хуже. Я чувствую себя виноватой!

Ей никто не ответил. Все были взволнованы, и никто не знал, что теперь нужно делать. И разговаривать было не о чем, все было ясно, но молча смотреть друг на друга было еще невыносимее.

– Послушай, как ты мог с нами так поступить? – подруга взяла его за руку, и руки ее были так холодны, как могло быть холодным только лезвие опасной бритвы.

Все было так же, как и раньше: стучали колеса, и лампы отражались на стеклах вагонов, и за стеклами по-прежнему ничего не было видно, и они ехали четвертером в Питер, одни в пустом вагоне.

Они доехали до города, где им удалось немного поспать на вокзале до первой утренней электрички в Питер.

Через несколько часов в пустом составе у второй платформы милиционеры обнаружили пятнадцать зарезанных пассажиров.

Сергей СЫСОВЕ

«ПРАВИЛЬНАЯ» ЖИЗНЬ

Студенческий журнал
СТУДЕНТЫ
МИНСКИХ ДУХОВНЫХ АКАДЕМИЙ И СЕМИНАРИЙ

Действительно, немного странно писать о Германии, как о terra incognita. Для очень многих наших соотечественников эта страна уже давно таковой не является. И у нас, пожалуй, уже не найдешь такого человека, который бы не слышал истории об удивительном немецком порядке, чистоте, о трудолюбивом немецком народе. «Немецкий порядок», как кажется, уже не одно столетие у нас является понятием нарицательным. Нам не хотелось бы повторяться и описывать, как здесь все чисто и ухожено. В этот раз рубрика «terra incognita» в нашем журнале представляет собой форум. Своими впечатлениями и наблюдениями делаются те наши соотечественники, которые уже не один год прожили в Германии.

Вадим Завилин, г. Аугсбург

Что я могу сказать о трудолюбии местных немцев, насколько я успел их понять за четыре года? Положа руку на сердце – не такие уж они трудоголики, как им это приписывает молва. Отдыхать они любят еще больше, чем работать... правда ПОСЛЕ ра-

боты, а не ВМЕСТО неё. И выполнять физическую работу они особо не рвутся (а зачем, если полно иностранцев?). А может, поэтому они и создают так много механизмов и приспособлений для облегчения физического труда, чтобы зря не рваться. Но чего у немцев не отнять – они отличные организаторы труда и умеют работать не-

торопливо и красиво. Я теперь в принципе понимаю стремление немцев 40-х годов к мировому господству – они любят организовывать работу, а не бесмысленно «пахать». Причем руководят производством не по принципу советского председателя или секретаря, т.е. криками «давай-давай» без конкретных решений, а умеют при необходимости личным примером без пены у рта показать, как надо работать, потому что отлично знают своё дело и умеют обходиться без крика «los-los».

Еще одна причина, по которой я уважаю местных немцев – это их сдержанность или какая-то врожденная вежливость, можно сказать. Здесь я им по-доброму завидую, поскольку сам являюсь все-таки носителем более темпераментного славянского менталитета и поэтому вывести меня из равновесия... как чихнуть. А пробовал кто-нибудь из вас вывести из себя немецкого чиновника? Сразу говорю – ПОЧТИ ДОХЛОЕ ДЕЛО (первое время сам неоднократно пытался, но ни разу не смог). Можно говорить, что они просто бездушные оловянные солдатики, зануды и т.д. и т.п., а я считаю, что они, конечно, люди, но вышколены просто на удивление. У них даже по лицу не прочтешь, что они о тебе думают в то время, как ты на них наезжаешь. Лично я после периода злости на этих жутких зануд начал их уважать. Потому что мне этого уровня сдержанности не достичь никогда.

Ирина Володавская, студентка

Маленькая чистенькая страна с большой грязной историей. Великое музыкальное наследие и невиданная жестокость фюрерской свиты... Но ведь хорошего больше...

Михаил Кенин, студент

Запачкать свою историю немцы умудрились примерно за сто лет, поч-

нее, за вторую половину XIX и первую половину XX веков. А сейчас немцы, кажется, успокоились, и в своем спокойствии дошли до скуки. Будучи в 1997 году в Дании, в университете города Орхуса, я пошел в International Students Club на завыленную German Party: ну ничего немецкого, кроме пива и драпировки столов под немецкие флаги, и не было. Просто интернациональная тусовка, даже можно сказать, космополитическая.

Петр Илиев

Немцев я недолюбиваю, потому что любить немцев просто невозможно. Это странноватый донельзя народ. Внешне они все какие-то одинаковые, в молодости — в основном длинные, тощие, совершенно бесцветные и конопатые. С возрастом от неумеренного потребления пива еще обзаводятся большими животами, что тоже не добавляет им шарма.

Далее. Если вам доведется отдохнуть где-нибудь на курорте рядом с немцами — заранее известно, что отдых они изрядно подпортят. Во-первых, во сколько бы вы ни пришли на пляж, да хоть в пять утра, все равно все лежаки уже будут заняты вещами немцев, как им это удастся, я не знаю. Хотя сами они придут не раньше двенадцати с толпой орущих грудничков и дурацкими надувными матрасами. Плавать немцы, по-видимому, не приспособлены, они обычно заходят в море по колено и толятся в воде как дети малые. А когда нормальные люди заплывают за буйки, то немцы громко выражают возмущение, привлекая внимание спасателей, якобы из любви к ближним.

Немцы очень общительны, и если уж кто-то к вам пристанет, то избавиться от него очень трудно. Но если какой-нибудь француз на ухах будет ходить, стараясь вас развлечь и наемешить, то немец не таков. Он будет таскаться за вами с унылым видом и бубнить что-то непонятное.

Если вам повезет пообщаться с немцем, то считайте, вечер пропал. Он во всех подробностях расскажет вам про свои «Мерседес» невявляя на ваши робкие попытки объяснить, что машины вас ни в малейшей степени не интересуют, расскажет кучу историй, которыми можно рассмешить разве что детей, а

самое неприятное — это манера немцев высказывать все и вся, причем в довольно резкой форме. Если немец считает, что вы неправы, он никогда не будет расшаркиваться как англичанин какой-нибудь, типа: «Извините, я вынужден с вами не согласиться».

Работать с немцами — не такое уж удовольствие, честно говоря, так как все легенды об их знаменитой пунктуальности сразу же рассыпаются в прах. Пунктуально они только счета выставляют, а когда речь заходит о выполнении своих обязательств, за просто могут повести себя вполне беспардонно, к примеру, без всякого смущения заявить, что хотя они уже получили от вас деньги за перевозку, но вот свободных машин у них нет и все тут. А то, что вы договаривались заранее, тут совершенно не причем. Спорить с ним в такой ситуации бесполезно, с чисто немецким твердолобием они будут твердить одно и то же и таким манером могут вывести из себя самого спокойного человека. Хотя работать с немцами, конечно, лучше, чем с итальянцами, например, — те вовсе неменяемы.

Георг Ливрин, студент

Правильная немецкая жизнь неправильными глазами неправильного русского.

Немецкая религиозность. В Германии очень много религиозных заведений. В любой малюсенькой деревушке — обязательно костел, кирха, порой и не одна, а несколько — в соответствии с воцарившейся здесь после столетней войны религиозной толерантностью между католиками, евангелистами, протестантами и т.д. В поселениях позначительнее есть возможность комфортного удовлетворения своего религиозного чувства.

Я поначалу снимал комнатушку в одном среднестатистическом зажиточном доме, в типичной деревушке, из каковых в основном и состоит эта страна Германия. Хозяева — среднестатистические граждане Германии. Однако выглядят гораздо лучше, чем статистические аналогичные граждане в славянских селениях восточнее Буга. Но несмотря на это — такая же непреходимая деревенщина. В этом то — и «обманка» — невольно начинаешь общаться с ними как с людьми, чье содержание соответствует такому вот

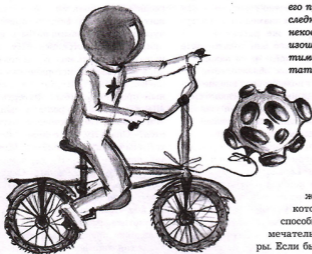
приличному облику.. Была череда каких-то религиозных праздников национального масштаба с выходными. Сначала был Химмельфарт, через неделю — Муттертаг, и спустя еще неделю — Фатертаг.. Мне захотелось разобраться во всем этом, хотя бы поверхностно, чтоб в делах «интеграции» (модное здесь понятие — то, чем надлежит заниматься всяким приезжим чуркам, чтоб таковыми не быть) слыть прилежным иностранцем.. Ну, спрашиваю у хозяйки, мол что за праздники, в чем смысл и историческая подоплека.. Она мне: «Ну, это — религиозный праздник..» (был Фатертаг) Я: «Да, я понимаю, что религиозный, но в чем смысл, и что, собственно, празднуется?» Она: «Ну, вот сейчас — Фатертаг, а на прошлой неделе был Муттертаг, помните?» Я: «Ну да, помню, но что празднуем-то (блин)?» Она: «Ну, так всегда — сначала Муттертаг, а потом — Фатертаг, а еще раньше, помните, был Химмельфарт..» Я: «То есть Вы хотите сказать, что все эти три праздника представляют собой логически связанные друг с другом значительные религиозные вещи, типа триединства?» Она: «Ну да — так всегда, сначала — Химмельфарт, потом — Муттертаг, ну, уж а потом-Фатертаг.. Да, а наоборот — нет, наоборот не бывает..» Я: «Да.. теперь, кажется, разобрался, большое спасибо». Больше я к ней, кроме как за кипятком, не обращался.

Немецкое гражданское мужество. Однажды ехал в поезде и обратил внимание на плакат, взывающий проявлять гражданское мужество. На плакате — три плотненьких мужчины в позе страуса, спрятавшего голову в песок. И у мужчин тоже — головы спрятаны в песок, и видны, в общем, только выразительные затылки. Такую вот, надо понимать, безответственную гражданскую позицию и призывает разрушить стоящий рядом текст: «Сотни и тысячи людей испытывают каждый день домогательства, их оскорбляют, унижают, а некоторых даже бьют.. и все это часто на наших глазах!!! А мы делаем вид, что ничего не видим! Хватит!!! Пора проявить настоящую гражданскую позицию!!! Не прячь голову в песок — действуй!!! Позвони в полицию!!! телефон 110».

Юрий Рой,
студент II курса МинДА

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО КОСМОНАВТА

«Материалистическая картина мира»
в романе В. Пелевина «Омон Ра»

Гомер нашего времени

В фильме «Белое солнце пустыни» есть одна по-своему гениальная сцена: Петруха, столь жаждущий момента, когда Гюльчагай откроет ему свое «личико», наконец сам одернул заветную паранджу, однако вместо красавицы Востока под ней оказался коварный бабсмач с револьвером. Подобная ошибка стоила жизни несчастному красноармейцу, и его прозрение оказалось слишком поздним. Люди редко поступают со своими верованиями по примеру Петрухи, предпочитая скрывать от самих себя их иногда весьма неприглядные лица. Одно из полезных свойств художественной литературы заключается как раз в том, что она обнажает многие человеческие заблуждения, лишая их паранджи красивых, но мертвых, и поэтому душно пахнущих слов, которыми они обыкновенно прикрывают свое истинное обличье. В современной русской литературе непрезвзойденным мастером подобного мировоззренческого стриптиза является Виктор Пелевин, писатель сравнимый разве что с Гомером. В данном случае я имею в виду не степень таланта или художественные особенности, а эпический охват явле-

Последняя книга Виктора Пелевина «Диалектика переломного периода (из ниготкуда в никуда)» «вновь» на некоторое время привлекла внимание читающей публики к писателю. После долгого молчания Пелевина и слухов о его путешествиях по тибетским монастырям от последних творений классика постмодернизма ожидалось некое откровение, которого, откровенно говоря, не произошло. В последующих статьях, возможно, мы обратимся и к этой книге, а сейчас предоставляем на суд читателя эссе об одном из романов писателя.

о мертвом Левиафане...

и в ий
совре-
менной
жизни, на
который были
способны эти за-
мечательные авто-
ры. Если бы историю,
живущему в далеком бу-
душем, от наших дней оста-
лись бы только романы этого Пелевина,
то он с большой долей достоверности
смог бы восстановить мировоззрение и
мифологию современного общества (как
и Гомер — основной и едва ли не един-
ственный источник по истории греческой
религии своего времени). Сложно ска-
зать, насколько виноват сам Пелевин в
том, что ему подобно советским космо-
навтам из романа «Омон Ра», «исследо-
вавшим» преимущественно обратную
сторону Луны, приходилось иметь дело
с теневой стороной человеческого су-
ществования, а из открываемой им па-
ранджи обычно вылезала какаля-нибудь
мерзкая жока:

« — У вас случайно нет такого знако-
мого с красным лицом, тремя глазами
и ожерельем из черепов?... Который
между костров танцует?... И кри-
выми саблями машет?»

— Может быть и есть... но не могу
понять, о ком именно вы говорите. Зна-
ете, очень общие черты. Кто угодно мо-
жет оказаться. (Чапаев и Пустота)
«Описанию примерно такого рода де-
монов уделено наибольшее внимание в
творчестве Пелевина, но в данной ста-
тье речь пойдет о еще более страшном
мифе, о материализме, как удачно вы-
разился А.Н.Лосев, мифе

Материалистическая философия, если ее принять предельно честно и последовательно, дает одну и самых страшных и, что еще более ужасно, скучных картин мироздания, живущего по слепым механистическим законам, в существовании которого нет смысла и в котором не может случиться чуда. Главный герой «Омон Ра», все-речь воспринявший подобный взгляд на вселенную, глядя на звезды, приходи-
т к весьма печальным мыслям: «Я представил себе бытие огромного раскаленного шара, висящего, не опираясь ни на что, в ледяной пустоте, во многих миллиардах километров от соседних звезд, крохотных сверкающих точек, пор которые известно только то, что они существуют, да и то не наверняка, потому что звезда может погибнуть, но ее свет еще долго будет падать во все стороны, и, значит, на самом деле пор звезды не известно ничего, кроме того, что их жизнь страшна и бессмысленна, раз все их перемещения в пространстве навечно предопределены и подчиняются механистическим законам, не оставляющим никакой надежды на нечаянную встречу.»

Любая философия как целостная система должна давать определение некой первооснове всего сущего, — материализм в качестве таковой предлагает материю, одно из самых абстрактных (я бы даже сказал, идеальных) понятий в философии, о которой известно лишь то, что она мертва, безличностна и неразумна. То есть, по словам того же Лосева, «материалисты верят в чудесное, сверхъестественное воплощение ... какой-то слепой и глухой матери-матери ... в реальные вещи

(«Диалектика мифа»). Или, если перевести это на язык мифа: «Единственное и исключительное оригинальное творчество новоевропейского материализма заключается именно в мифе о вселенском Левиафане, — который — и в этом заключается материалистическое исповедание чуда — воплощается в реальные вещи мира, умирает в них, чтобы потом опять воскреснуть и вознестись на черное небо мертвого и тупого сна без сновидений и без всяких признаков жизни (там же)».

Когда мы с братом, разговаривая на религиозные и общеполитические темы, произносили слово «материя», отец обычно шутил: «Материя? А какая именно материя: ситец, сатин или крепдешин?» — Пелевин придумал более звучное и точное слово для обозначения этого понятия — «ухряб». В одном из рассказов он дает описание мистической встречи своего героя Маралова с этой материалистической первоосновой бытия: «все остальное — небо, снег, деревья — тоже было ухрябом, но как бы скрытым, принявшим другую форму, — а здесь был ухряб-сырец, находящийся в своем изначальном виде — это была длинная заснеженная яма с двумя довольно высокими, в половину мараловского роста, обледенелыми хребтами по краям». В этой яме герой замерзает. Действительно, материалистическая картина мира кажется слишком холодной.

Поскольку, по определению Ленина, «в мире нет ничего, кроме движущейся материи», то и человек оказывается таким же физическим телом, как и все остальное, которое тоже не может рассчитывать на чудо и «начальную встречу». Три закона диалектики, несколько усложняющие механистическое движение, тоже как-то не особенно утешают. (Хотя, по моему личному мнению, механистический материализм и есть самый настоящий и последовательный, а пресловутый диалог не более, чем ересь внутри него со многими идеалистическими (тот же Гегель), едва ли не христианскими влияниями.)

Миф о покорителях космоса

Естественно, ни одна из идеологий не могла в чистом виде эксплуатировать такую мрачную и скучную философию. Вот и советская власть дополнила материализм множеством других

более поэтичных мифов. Едва ли не важнейшим из них в какое-то время стал миф об отважных покорителях космоса, несущих идеи коммунизма в самые далекие уголки вселенной, оставляющих следы «на пыльных тропинках далеких планет», взращивающих на Марсе райские яблоневые сады и долетающих «до самого Солнца». Благодаря им космос становится уже не таким холодным, каким он был раньше: его согревают горячие сердца советских героев-космонавтов.

Описание и опровержение этого мифа и посвящение преимущественно роман «Омон Ра».

Есть люди логического и есть люди поэтического мышления. Первые выражают свои мысли с помощью словесных или математических формул, вторые — с помощью образов, которые во многих случаях говорят гораздо больше и гораздо более убедительно. Пелевин сумел создать один из наиболее точных символов вселенной материалистов.

Омон Кривомазов, питомец «секретной космической школы при первом отделе КГБ СССР», отправляется на Луну. Космический корабль, на котором он летит, оснащен «сложнейшей автоматикой»: в каждой ступени сидит «космонавт», который в определенный момент должен отщелкнуть шпингалеты, резко оттолкнуться ногой и, включая двигатель следующей ступени, погибнуть в его пламени. Сам Омон должен крутить педали, скрючившись, как

вадет, что в рамках последовательно материалистического мировоззрения на него возможен лишь единственный ответ. Пройдя свой путь по Луне и выбросив «вымпел-радиобуй», который передаст в космос преобразованные в радиосигналы слова «МИР», «ЛЕНИН» и «СССР», Омон должен застрелиться, иначе он все равно не сможет жить в холодном безвоздушном пространстве.

Однако выясняется, что корабль никуда не летел, а луноход шел не по трещине имени Ленина на обратной стороне Луны, а по рельсам Московского метрополитена того же имени. Пистолет Кривомазова дал осечку, но его товарищи по-настоящему погибли ради вымышленной экспедиции. Трагедия и абсурд.

Пелевин — один из немногих, едва ли не единственный из писателей-постмодернистов, в романах которого остались люди, а не некие деконструкции и симулякры (я не совсем понимаю, что значит эти слова, если они хоть что-то значат, но в данном случае, мне кажется, они весьма уместны). Притом эти люди, особенно в первых романах, описаны, прощу прощения за тавтологию, очень человечно, даже трогательно человечно. Один мой приятель, очень ученый и далеко не сентиментальный человек, в некоторой степени даже сноб и циник, рассказывал, что плакал, читая «Омон Ра». Там, где у других лишь смакование гадостей и медитация на полуразложившемся трупе, у Пелевина настоящая трагедия.

Там, где у других лишь смакование гадостей и медитация на полуразложившемся трупе, у Пелевина настоящая трагедия.

эмбрион, в тесной кабине лунохода, приводя тем самым этот странный механизм в движение. Впрочем, с материалистической точки зрения, особой разницы между упомянутой автоматикой и человеком нет: у человека лишь более сложный системный блок, чем у компьютера, и более совершенное программное обеспечение. Впрочем, обычно ему приходится делать даже более простые операции вроде упомянутого отстегивания шпингалетов.

Альбер Камю в свое время очень верно заметил, что «в философии существует лишь одна по-настоящему важная проблема» — «стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить?», то есть проблема самоубийства. Пелевин показы-

вает, способная прошибить даже человека «хорошего общества», заболтавшего и обесценившего почти все важные понятия. А трагедия всегда ставит вопросы, на которые отвечает христианство.

«Атеист, научи меня верить»

С философской точки зрения, этот образ космического корабля, оставленного за собой обгоревшие и обмороженные трупы, но так и не покинувшего подземелья московского метро, очень понятен: если Бог нет и материальности правды, то вселенная, действительно, вечно движется из ниоткуда в никуда без всякого смысла, и мы умираем за-

эря. Но какую цель преследовали люди, пославшие Омона Кривошапова в его бессмысленное путешествие?

Роман Пелевина помогает разрешить este один парадокс. Почему в государстве с идеологией, основанной на том, что не существует ничего, кроме реальности, воспринимаемой органами чувств и не зависящей от субъективного сознания, над этой самой «объективно существующей реальностью» могло происходить столь неприкрытое насилие? Откуда у материалистов могла возникнуть эта слепая вера в «светлое будущее», чиста религиозный фанатизм, ложь, туфта и показуха как основа государственной идеологической политики, двоемыслие, поразившее бы и героев Оруэлла (многие, действительно,

СССР, как уже было сказано, тоже не было). В минуту, которая должна была быть в его жизни последней, Омон «неосомненной отчетливостью понял», что Киссинджер, убийца Марата, знал, кого он удирал кинжалом.

В значительной степени подобный парадокс объясняется тем, что атеизм, как ни одно другое мировоззрение, зиждется на слепой вере. Христианин основывает свою веру на реальном опыте встречи с Богом, своим и миллионов других людей, засвидетельствовавших ее своею жизнью и, что еще важнее, бесстрашной, но не бессмысленной смертью за свои убеждения. Фундамент же веры атеиста — ни на чем не основанное допущение, что эта встреча никогда не происходила и не может произойти в

приверженцев промывкой мозгов обманутого общества метафизически изменить и реальность.

Человек с древности осознавал себя как образ космоса (микрокосм в макрокосме), христианство пошло дальше, открыл истину, что человек представляет собой более совершенную, созданную по подобию Творца вселенную внутри менее совершенной (макрокосм в микрокосме, драгоценный камень к глиняному кушину). Человек, с точки зрения материализма, тоже должен быть мертвым и холодным космосом, по образу и подобию того вселенского Левиафана. Естественно, с такими монстрами коммунизм не построить. Поэтому и в этот человеческий космос запускаются советские ракеты.

Заполнит особого отряда космонавтов полковник Урчагин так говорит об этом: «Запомни, Омон, хоть никакой души, конечно, у человека нет, каждая душа — это вселенная. В этом диалектика. И пока есть хоть одна душа, де наше дело живет и побеждает, это дело не погибнет. Ибо будет существовать целая вселенная, центром которой станет вот это... Достаточно даже одной чистой и честной души, чтобы наша страна вышла на первое место в мире по освоению космоса; достаточно одной такой души, чтобы на далекой Луне взвилось красное знамя победившего социализма. Но одна такая душа хотя бы на один миг — необходима, потому что именно в ней возродится это знамя...»

В своем логическом завершении, таким образом, материализм смыкается с самым дремучим субъективным идеализмом. Если нет Бога, Того, кто видит мир, таким какой он есть, Творца и Промыслителя этого мира, то, значит, нет никаких доказательств существования «объективной реальности».

Пелевин решил, что Бога нет, и совершенно естественно, на данный момент закончил свои поиски на буддизме. Насколько убедителен его выбор, каждый читатель может решить для себя сам, но мосты на своем духовном пути классик постмодернизма сжег довольно капитально. Стоит припомнить к их лепту. А христианин еще раз поблагодарит за освобождение от власти «стихий», лжи и бессмысленности, о которой так много и так страшно писал классик постмодернизма.

Максим БОЛЬШАКОВ

Если нет Бога, Того, кто видит мир, таким какой он есть, Творца и Промыслителя этого мира, то, значит, нет никаких доказательств существования «объективной реальности».

искренне были убеждены, что в Советском Союзе существует наиболее совершенная общественная система, и при этом делали как самую заветную мечту командировку или турпоездку в эту «загнивающую» загнившую, где всеми силами стремились урвать импортные штмотки? У Пелевина все эти особенные черты советского строя показаны хотя и в гипертрифированном виде (так, согласно роману, испытания ядерного оружия в Советском Союзе имитируются одновременным прыжком двух миллионов политзаключенных), но при этом вполне реалистично, что еще раз говорит о недюжинном таланте писателя.

Этот обман, граничащий по своей жесткости с модным ныне life-art'ом (действом, кончающимся смертью исполнителя) и подзапятными спектаклями с настоящими смертями актеров, был обманом не американцев и прочих друзей и врагов (тогда бы это имело хоть какое-то оправдание нуждами дипломатии), а исключительно самих себя, самых жертв этой государственной лжи. Зачем-то нужно было убедить актеров кровавых спектаклей, что их игра никакое не представление, а подлинная жизнь. Не случайно перед собственной «смертью» Омон вспоминает смерть другого безвестного героя Марата Понадыи, игравшего роль медведя на настоящей охоте и по-настоящему же убитого при подписании договора о сокращении ядерного оружия (которого у

их жизни, а опыт других, чаще всего безусловно достойных людей, лишь коллективный психоз, ложь или самообман. Даже если не видеть свет звезды, о которой говорят астрономы, в ее небитие можно лишь верить. Бог стучится и в сердца атеистов, но последние слишком часто не верят в то, что слышат этот стук. Там же, где слепая вера, всегда есть и те, кто ее пользуют.

Однако ложь советской системы имеет и еще одно философское объяснение, базирующееся на знаменитом утверждении, которое принято считать водоразделом между материализмом и идеализмом: «бытие определяет сознание». Мы знаем, как часто в человеческой истории причина подменялась следствием. Например, учение Кальвина о всеобщем предопределении и коммерческом успехе как свидетельство спасения и Божьего благоволения, вместо казалося бы логичным в этом случае расслабления человеческой воли (чего рыпаться, если моя судьба все равно предопределена) привело к стремлению через достижение финансового благополучия убедить самого себя в достижении вечной жизни. Таким образом, спасение и коммерческий успех поменялись местами. В советской атеистической идеологии невольно поменялись местами «бытие» и «сознание». Материализм отрицает существование подлинного Судии истинности всех вещей, чем подталкивает своих

СОЛНЕЧНЫЙ ОСТРОВ

Для того, чтобы хоть что-то понять в православии, нужно съездить в монастырь. Как заметила одна моя знакомая, настоящие православные мужики встречаются только в монастырях. Тут она, конечно, загнула, но, действительно, подлинная духовная жизнь и люди, которые ее ведут, наиболее ярко представлены именно там (хотя и в монастырской жизни, как и везде, тоже встречаются дурь и несовершенства). Притом в монастыре надо именно пожить, а не прибыть с организованной паломнической группой, иначе все это может превратиться в нечто среднее между экскурсией и посещением зоопарка: вот собор такого-то века, вот монахи полют грядки с морковью, а теперь садимся на автобус и едем дальше.

В этот раз я решил поехать на Соловки. Добираться туда лучше всего через Петрозаводск. В Кемь, город, от которого плывут катера до Соловков, московский поезд прибывает поздно ночью. Чтобы не ночевать на вокзале или в довольно дорогой гостинице, лучше сначала доехать до Петрозаводска, осмотреть достопримечательности, прошваркнуться до Кижей, а вечером на питерском скором отправиться в Кемь, как раз к первым паркам.

Из петрозаводских достопримечательностей я успел увидеть только собор Александра Невского, местный дворец культуры (весьма колоритный образец сталинского ампира с неожиданно гротескно непропорциональными, прямо готическими фигурами рабочих и колхозников), и, наконец, побродил по набережной, уставленной множеством скульптур (наиболее при-

мечательная из них — пара металлических скелетообразных рыбаков, закидывающих сеть в море, подарок городу некоего австралийского скульптора: прямо евангельский образ, только лица у «рыбарей» были какие-то недобрые, невольные вызывающие вопрос, в какие сети они собираются уловить проходящих по набережной людей). Петрозаводск в целом оставляет хорошее впечатление здорового русского, пока еще не умирающего города. Только, ради Бога, не ешьте в Петрозаводске пирожки с мойвой: эта любимая рыба советских кошек запечена в них не только с головой и внутренностями, невольно застревающими в горле, но и, очевидно, закатана в тесто еще живой, так что даже после окончательного приготовления кажется только что выловленной из морских глубин.

Восхищаться красотами Кижей я не буду: это как-то слишком банально, но посетить их, действительно, стоит, особенно если знать, что все эти «шедевры деревянной архитектуры» — в прошлом обычные для Русского Севера деревенские церкви.

Но вот после дня, проведенного в Петрозаводске и Кижках, и ночи в поезде я добрался—таки до пристани г. Кемь. Публика, собравшаяся на Соловки, была довольно разношерстной. В основном это были туристы студенческого или околостуденческого возраста, среди которых я нашел своих собратьев по университету. Были и богатенькие туристы — для них на Соловках построена гостиница. Впрочем, сейчас после открытия нового аэродрома они могут прилететь на остров прямо из

Москвы, не подвергая себя превратностям морской стихии. Особенно среди богатых туристов мне запомнился полный дядечка с безумным количеством багажа: он взял с собой не только множество чемоданов белья и посуды, но и несколько кресел-качалок, пляжных зонтов, столиков для пинг-понга, стульев, едва ли не клошек для гольфа. Этот «турист» почему-то напомнил мне мужика из сказки, который безуспешно пытался влезть на небо по канату с огромным мешком за плечами. Впрочем, уже в катере я встретил и настоящего паломника, путешествующего с одним маленьким пакетиком, на фоне которого даже мой относительно небольшой рюкзак казался излишним и неуместным. В современной России, как ни удивительно, осталось достаточно много таких «калик переходящих», людей преимущественно их глубинки, часто из стран бывшего Советского Союза, путешествующих по русским монастырям и святыням (на собаках или автостопом без вещей и денег по причине пока еще повсеместной бедности, а отчасти и из презрения ко всякого рода удобствам. Как и большинство такого рода паломников, мой новый знакомый Василий, как выяснилось, рабочий, вернее полубезработный из Луганска, оказался необыкновенно добрым и скромным человеком, в котором чувствовался отголосок какой-то сложно представляемой в XXI веке еще почти древнерусской святости. Мой собеседник тут же попытался поделиться со мной единственным оставшимся у него бутербродом, на том основании, что сам он вчера вечером уже успел поесть, — неудивительно, что Василий с таким искренне добрым отношением к людям всегда находил кров и пищу.

Где-то в середине пути наш катер заглох, и мы довольно долго проблуждали на волнах Белого моря, пока нас не подобрал монастырский корабль «Святитель Николай», и без того переруганный. Основной заботой помощника капитана «Святителя Николая» в оставшиеся три часа пути по этому было перегонять пассажиров с левого борта на правый и обратно, чтобы наше судно хоть как-то держало равновесие. За это время мы успешно разговорились с Василием о своем

паломническом опыте (естественно, опыт моего нового приятеля был на порядок больше).

Но вот наконец оказался остров с величественными, даже на расстоянии, куполами соборов и стенами циклопической кладки из огромных валунов (в отличие от Микен, поджаривать участки богов или инопланетян здесь не приходится). Едва вступил на землю Соловков, чувствуешь какую-то необычность этого места. Особую духовную значимость этого острова почувствовали еще язычники, построившие здесь множество капищ, некоторые из которых (большие спирали из камней) можно наблюдать и сегодня. В начале XV века на остров прибыли преподобные Герман, Зосима и Савватий, основавшие монастырь, ставший оплотом православия на севере России. Наибольшего расцвета монастырь достиг в середине XVI века при игумене Филиппе, будущем Московском святителе и исповеднике, под руководством которого были построены Преображенский и Успенский собор, выкопана сеть каналов между озерами острова и устроено образцовое даже по современным меркам монастырское хозяйство (были завезены лапландские олени, сооружен кирпичный завод и изобретены некие загадочные «самодвижущие» механизмы (это в XVI веке!), перевозившие грузы и просеивавшие муку). При советской власти с 1923 до 1939 года на Соловках находился лагерь, в котором пострадали за Христа сотни мучеников, в том числе и знаменитый святой Иларион (Троицкий).

Соловецкие острова совершенно выпадают из времени, и из простран-

ства. Здесь ты чувствуешь себя одновременно и во времена преподобных Зосимы и Савватия, и митрополита Филиппа, и соловецких страдальцев за веру, и современных и даже будущих подвижников и героев духа, которые еще прославятся на этих островах.

Первое, что меня поразило по прибытии на Соловки, — это разительное несоответствие действительности тому мрачному и суровому образу, который был в моем (и не только в моем) сознании. На самом деле, это — удивительный, солнечный остров: ясных дней там много больше, чем на материке; монахи ухитряются собрать по два урожая за год со своих грядок. Меня удивило, когда в начале августа (время моего приезда на Соловки), сорвав необыкновенно крупную морковь, на ее место тут же сажали какую-нибудь редиску, в сентябре ожидая нового урожая. Раньше здесь выращивали и арбузы (и это недалеко от Полярного круга). Озер на острове 365, столько же, сколько дней в году.

«Да, молитва, любовь, благочестие — это круто, но главная фишка христианской жизни — в смирении: без него без мазы спастись».

Природа необыкновенно красива: валуны, поросшие черникой и брусникой, болота с бусинами клюквы, невысокие раскидистые (не могу придумать другого определения) березы (они не похожи ни на русские, высокие и стройные, ни на карельские, стелющиеся по земле).

На Соловках чувствуешь необыкновенную полноту и осмысленность жизни. Как ни пафосно и елейно это звучит, монастырь, действительно, представляет собой братство людей,

которые своим трудом и молитвами служат Богу и человечеству. (Улышав подобную фразу, большинство знакомых мне монахов, наверное, попытались бы отшутиться.)

Прибыв в монастырь, в первую очередь, нужно пойти на вахту и дожидаться, пока отвечающие за это монахи не распределят всех паломников по монастырским гостиницам. Условия, в которых живут посетители монастыря, честно говоря, довольно суровые и аскетические: тесные кельи, плотно заставленные двухэтажными нарами, удобства далеко на улице и т.д. Кроме того, нужно быть готовым к тому, что спать почти совсем не придется: паломники — люди словоохотливые и любят, несмотря на усталость, поболтать часов до 3–4-х ночи.

К моменту распределения по кельям настало уже и время обеда. Простенная монастырская еда (какой-нибудь пустой гороховый суп и каша), как показывает мой опыт, и соловец-

кий не исключение, необыкновенно вкусная. Дело тут, наверное, не в искусстве поваров и не в том, что «голод и тяжелый труд — лучшая приправа» (в монастырях кормят, хоть и без изысков, но почти на убой, а работа (слушания) отнюдь не на износ, да и особый вкус монастырской еды признают и кратковременные посетители), — просто, действительно, в святом месте все, в том числе и такая прозаическая вещь, как еда, преобразается.

Первые два дня паломникам дают на то, чтобы они устроились и осмотрели остров. В первую очередь, я сходил на Секирную гору и на Большую Муксалму — остров, соединенный с Большим Соловецким гигантской дамбой из валунов. На Секирной горе был штрафной лагерь, ставший Голгофой и для многих мучеников за веру. Ежедневно тела десятков умерших или убитых арестантов сбрасывали по огромной лестнице, которая сейчас восстановлена, хотя, я подозреваю, по иной конструкции, чем она была тогда. У подножия лестницы стоит крест, возле которого мы взяли несколько камушков, возможно, обгаренных мученической кровью.

После двух дней паломникам поручают всякого рода работы (слуша-

ния), главным образом колоты дрова и таскать валуны с монастырских сенокосов (мое первое послушание на Соловках). В связи с этим, один эпизод по поводу «настоящих мужиков». Тащим мы огромный валун на квадратном, сбитом из досок шпите: с одной стороны держат три паломника, два здоровенных бугая и я, не такой мощный, но все-таки имеющий некоторый опыт грузчика-шабашника, а с другой — худенький молодой монах. Мы обливаемся потом, спотыкаемся, боимся, как бы не свалиться, мышцы трещат, как мачты кораблей в бурю, один из паломников, простой, не так давно пришедший к вере мужик, силится, как бы не матюкнуться, споткнувшись на очередной кочке, а монах идет такой легкой, радостный, еще нас подбадривает.

Конечно, даже паломник видит obviously монастырскую жизнь со стороны, да и сами монахи, как и все люди, очень разные, но в целом наиболее распространенный монашеский тип — это человек добродушный, тактичный, в чем-то даже интеллигентный, с большим чувством юмора. Вот пример монастырского юмора. Сидим мы с послушниками, работающими на ферме, за поздним ужином со среды (постного дня) на четверг (дня, соответственно, непостного). Только стрелки часов показывают двенадцать, все бросают постную кашу и начинают наворачивать творог. Тут входит начальник (ответственный за послушание): «Что же это вы, братие, еще «жених не грядет в полночь» (намек на великопостное песнопение и евангельскую притчу о десяти девах), а вы уже творог трескаете?» Один послушник отвечает: (показывая на вопрошающего) «Жених-то еще не грядет, а вот полночь (показывая на часы) уже наступила».

Как образец монастырской доброты мне вспоминается один эконо, который, проходя мимо местного магазина, каждый раз покупал мороженое, сколько помещалось в его широченных ладнях, и угощал им всех попавшихся по дороге детишек и их мамаш. Детишки виснут на нем, чуть ли не за бороду цепляются, а он и рад, хватает их и подбрасывает в воздух. И это никакая не благотворительность (хотя отцы этих ребят по большей части запойно пьют и вряд ли когда-нибудь купили бы им мороженое) — просто проходил мимо и решил, дай угощу детей мороженым. Такая мысль ему на ум приходит по несколько раз в день: часто ведь прихо-

дится бегать по острову туда-сюда.

Особую монастырскую деликатность испытать мне пришлось уже на следующем послушании. Меня поставили мостить дорожку внутри монастыря. А надо сказать, что руки у меня растут не совсем из того места, соответственно, моя «мостовая» получилась довольно волнообразная. Отец Герман, ответственный за эту работу, пораженный неуклюжестью работы, тем не менее, вместо того, чтобы обругать, стал утешать меня, что не все еще в моей жизни потеряно, что я, если постараюсь, смогу еще много сделать полезно для человечества. Мостовую поручили переделывать другому, а меня послали пасти скотину.

Пастух Анатолий, под руководством которого я был отдан, оказался весьма примечательной личностью. Он был местным интеллектуалом, и каждый вечер, пригнав стадо, если не было важных богослужений, шел в монастырскую библиотеку. В Анатолии я нашел уникального собеседника не только на церковные, но и на политические, исторические, философские и даже естественнонаучные темы. Как пастух он был не столь однозначен. Анатолий безумно любил своих коров: прекрасно знал характер каждой из них, во всем им потакал, украшал венками из полевых цветов, целовал в морды и шел пасти не туда, куда было удобно ему, а куда хотелось им. Из-за этого коровы совершенно разбаловались, и я истрепал с ними нервы еще больше, чем на своей московской работе.

Среди паломников тоже встречаются очень интересные люди. Так, на-

пример, там я познакомился с одним филологом, чуть ли не лучшим специалистом в России по фарси. При этом, в отличие от меня (всего лишь банально-недостоявшегося византиниста), он мастерски делал кладку и мостил брусчатку!

Были и комические случаи. Помню одного паренька, студента филологического (!) факультета Северодвинского филиала Петрозаводского университета, который, несмотря на свое университетское образование, говорил на ужасной «фене». Притом пытался глаголать нечто благочестивое. Помню одну его фразу: «Да, молитва, любовь, благочестие — это круто, но главная фишка христианской жизни — в смиренности: без него без мази спастись».

Вспоминаются и двое негритят, вернее, мулатов. Их мама, вполне обычная православная «белая» женщина, возит их каждый год на Соловки.

А зимой их край пустеет: многие жители отправляются на материк, снег одностаянные дома заваливает по крышу, единственное средство сообщения с большой землей — редкий вертолет до Архангельска. Выдержат такую зимовку могут только мужественные и крепкие духовно люди. Мне же пора было возвращаться, и в промежутке между двумя штормами, начавшимися в первых числах сентября, я отправился по направлению к кажущейся теперь такой ненастоящей Москве. Однако монастырский опыт как раз и дает возможность добавить в эту жизнь реальности.

Павел МЕНЬШИКОВ

■ ТД-конкурс

ОПЫТ МОЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ ИЛИ О ПОЛЬЗЕ АРХИВОВ

Проводить отпуск можно по-разному. Большинство из тех, кто проводят его в путешествиях, перемещаются в пространстве, автор же этих строк посвятил свой отдых этим летом путешествию во времени. Конкретнее – задался целью уточнить историю своей семьи по архивным материалам, восстановить память о поколениях своих православных предков.

«Память праведника претрет бездлановена...» (Притч. 10:7)

Я достаточно давно заинтересовался историей своего родословного древа, но до недавнего времени мне приходилось довольствоваться лишь той информацией, которую можно было почерпнуть от старших родственников, поскольку считал совершенно бесполезным что-либо искать в архивах, которые, как я думал, сгорели в пламени войн и революций начала века. Не меньшие сомнения вызывал у меня и сам факт наличия письменных источников, где упоминались бы мои предки – ведь все они были крестьянами, а не дворянами или духовными лицами.

Это предубеждение во мне разведала книга «русского американца» С. А. Шемана, сына протоиерея Александра Шемана, «Эхо родной земли» (Echoes of a Native Land. Two Centuries of a Russian Village. N-Y., 1999), эмигранта в третьем поколении, которому удалось приехать в Россию, найти сведения о своих родственниках и даже пепелище от своей родовой усадьбы. Главным уроком, который я почерпнул из этой книги – в наших архивах, несмотря на упомянутые огненные события, есть все, или почти все.

Все, что я знал о своих предках до начала документального исследования, ограничивалось поколением моих прадедов и прабабок. Также было известно название маленького уральского городка Нытва в Пермской области, в котором они жили. Сохранились сведения и том, что мой прадед Филипп был раскулачен в 1933 году, и что род свой он вел якобы от сбежавших на Урал от Петра Великого старообрядцев. О нем в семье бытовало достаточно много легенд: о его твердой вере в Бога, о его трудолюбии, о старообрядческих обычаях, которые он строго соблюдал, из которых некоторые можно считать забавными – как, например, за-

прет на употребление в пищу помидоров, другие же, как отказ от алкоголя и табака, – вполне разумными.

По счастливому стечению обстоятельств, в Интернете нашелся сайт Пермского областного архива, где был выложен его полный каталог в электронном виде. Данные о репрессиях, в принципе, могут быть расселены по ар-

Вот, например, акт об изъятии имущества у некоего кулака: и представитель власти, и понятия, и кулак – все носят одинаковые фамилии.

хивам разных организаций (НКВД, ВКП(б), исполком) и уровней – уездный, губернский, всероссийский. В каждом губернском городе, где, в основном, и собраны документы по локальным политическим репрессиям, их можно найти, по крайней мере, в трех архивах: областном, архиве МВД и бывшем партийном архиве. Лично я работал только с документами областного архива, в другие два направлял письменные запросы. Мне повезло еще раз: сразу же мое внимание привлек фонд Нытвенского райисполкома, который содержал дела по раскулачиванию. Первый сюрприз история преподнесла мне, как только я открыл пухлый том с напечатанными на тонкой папиросной бумаге протоколами раскулачивания крестьян Нытвенского уезда. На странице, датированной 1931 годом, под машинописным текстом со стандартными формулировками вроде «... выселить за пределы района с конфискацией всего движимого и недвижимого имущества...» я увидел фамилию своего деда Виктора Филипповича, но не в списке раскулаченных, а в качестве «секретаря райисполкома». Двумя годами позже дед потеряет должность и будет исключен из партии, а его отец лишится всего хозяйства: кузицы, богатого дома, лошадей, молокоурня; семья будет вынуждена смириться и скитаться по окрестным

городам... Но это потом. А пока идет в стране коллективизация, и мой дед подписывает протоколы о раскулачивании своих односельчан. Ирония истории – не то же самое ли повторялось в стране в те годы на всех уровнях власти – от селсовета до ЦК – сначала репрессировал ты, а потом приходишь и за тобой...

Документального подтверждения раскулачивания своего прадеда, кстати, я так и не нашел. Впрочем, впечатлений было достаточно и от документов, непосредственно не касавшихся моей семьи. Вот, например, акт об изъятии имущества у некоего кулака: и представитель власти, и понятия, и кулак – все носят одинаковые фамилии. А вот, за подписью моего деда акт о раскулачивании его дальнего родственника с формулировкой: «Служитель культа. Сторож церкви.» «Предает же брат брата на смерть, и отец детей, и восстанут дети на родителей...» (Мк. 13:12). По документам этой папки было видно, как истреблялись целые деревни, зажиточные крестьяне изгонялись даже не семьями, а кланами. Передо мной проявлялась картина творившегося в стране в те страшные годы – того, о чем все мы читали в газетах и учебниках. Наверное, нам, тем кто не испытал репрессий на собственном опыте, невозможно почувствовать, что же действительно пришлось пережить нашим прадедам, не прикоснувшись к таким красноречивым немым свидетельствам эпохи...

(Добавлю кстати о репрессиях, что имя настоятеля того храма, в котором молились мои предки, случайно встретилось мне недавно в материалах по истории гонений на Церковь в Пермской епархии. Это был иерей Алексей

Пьянков, расстрелянный вскоре после революции, настоятель, по крайней мере, с 1892 года.)

Акты гражданского состояния до революции, как известно, вела Церковь. Поэтому следом я обратился к тем фондам архива, которые относились к духовному ведомству. Они были собраны в виде фондов по отдельным храмам и центрального фонда губернской духовной консистории. Все они находились в областном архиве, и со всеми у меня была возможность работать лично.

Родословное древо свое я восстанавливал по исповедным книгам. К счастью, в архиве сохранились практически все исповедные книги Спасской церкви г. Нытвы с 1780 года практически без пропусков. Со времени Петра Великого каждый священник был обязан Великим Постом обходить свой приход, переписывая все дворы, отмечая, кто проживает в каждом доме, с указанием степени родства по отношению к домохозяйке. Затем напротив каждого имени указывалось, когда в текущем году данной прихожанки был исповед и причастия, и был ли вообще. По исповедной книге затем подводилась обшая статистика по приходу, и копия всего документа отправлялась в высшие инстанции Духовного ведомства. Священник давал поручительство за свое село, свой приход, что в нем столько-то православного вероисповедания душ мужского и женского пола, и что между ними раскольников и еретиков не значится, в чем прилагал руку вместе с сослуживателями в конце документа. Информативность исповедных книг обусловлена тем, что просмотр одного документа позволяет

получить сведения сразу о двух-трех поколениях: просмотрев исповедные книги через 20–25-летний интервал, по полученным «срезам» можно проследить изменение состава семьи – кто умер, кто родился, кто женился. Такой метод позволяет восстанавливать родословное древо сравнительно с небольшими затратами сил и времени. Последний фактор немаловажен – прочтение рукописного текста XVIII–XIX вв. занимает в несколько раз больше времени, чем современной рукописи аналогичного объема. Как ни парадоксально, это объясняется прекрасным почерком тогдашних дьячков, от которого вы отыскать. Недостаток данного метода состоит в том, что он позволяет проследить родословную только по мужской линии: в исповедных книгах нет сведений о девичьей фамилии вашей бабушки, прабабушки и т.д. Если же вы хотите размыслить всех своих предков, придется уже обратиться к метрическим книгам. Работа с ними является гораздо более кропотливой и трудоемкой. Изучение метрических книг предполагает точное знание года рождения того родственника, которого вы ищете. Кроме того, в силу ограниченности пропускной способности архива, на руки выдают одну-две метрические книги в день, поэтому в архиве вы проработаете примерно столько дней, о скольких родственниках нужно собрать сведения.

Опыт общения с этими документами удивил и обрадовал не менее, чем работа с документами советского периода. Не знаю, не будет ли мое сравнение чересчур дерзким, но исповедные книги ассоциировались у меня с

Книгой Жизни – эти бесконечные списки имен моих предков, на протяжении по меньшей мере полутора веков бывших прихожанами одного и того же храма. Не буду перечислять всех открытий, которые сделал, листая толстые страницы этих книг. В частности, я выяснил, что несмотря на легенды, прадед мой не находился в расколе с нашей Церковью.

Каковы же результаты всех моих исследований? Я проследил историю своей фамилии и имена своих непосредственных предков вплоть до конца XVII века, дойдя тем самым до прапрадеда моего прадеда, родившегося примерно в начале царствования Петра I. Но самое главное, что безусловно важнее чисто формальных, хронологических успехов, – мне удалось прикоснуться к истории, к реальным людям, жившим в веках до меня, мне совершенно не известным, но к моему существованию имеющим непосредственное отношение. Пусть мне достались одни имена – ни биографических сведений, ни фотографий – но ради одних имен стоило было затеять эти разыскания, чтобы иметь возможность общения с ними в молитвах Церкви. Думаю, что мой незначительный опыт по изучению прошлого сможет вдохновить еще кого-то, кто уже начал интересоваться своими корнями. Главное – преодолеть те предубеждения, о которых я говорил в начале статьи и проявить определенную инициативу в поиске.

Андрей ЗАЯКИН,
физфак МГУ.

Относительно рецензии, представленной ниже, необходимо сделать несколько замечаний. Сразу же нужно заметить, что рецензируемая книга написана с позиций, основанных на достаточно критическом отношении к христианству. Тем не менее, мы бы посоветовали прочитать это исследование не только людям, интересующимся историей Византии, но и всем, кому не безразлична миссия Церкви. Автор книги, известный российский византист А. С. Иванов, выполнил свой труд с беспримерной научной честностью и добросовестностью, рассмотрел почти исчерпывающую массу источников, относящихся к теме исследования. Однако с многими оценками автора можно не согласиться. В первую очередь, необходимо заметить, что византийская миссия, по условиям, в которых ее приходилось осуществлять, принципиально отличалась от проповеди современных миссионеров и даже от деятельности ирландских миссионеров в Европе или, например, св. Стефана Пермского среди зырян. Перед византийскими миссионерами были не далекие и «отсталые» аборигены, а реальный и близкий варварский, а потом и мусульманский мир, почти всегда враждебный империи и не раз ставивший ее на грань гибели. Исходя именно из этого извечного противостояния варварства и цивилизации, нужно оценивать формы миссионерской деятельности, ее успехи и неудачи, неизбежное участие в ней государственной власти и отношение к проповеди самих византийцев. Нравы варварских народов во многих случаях, действительно, были дикими и никак не совместимыми с христианством (вспомним хотя бы, что вытворяли наши предки под стенами Константинополя). Поэтому «изменение нравов в сторону большей мягкости», как часто обозначали миссионерство византийцы (что, собственно, и произошло с Болгарией), а именно христианской проповеди, и обвещения в ризоригии, культурном снобизме и неумении приспособиться к местным условиям во многих случаях неоправданны. Миссионерская проповедь, даже если она была инициализирована императорской властью, также не всегда была вызвана исключительно утилитарно-политическими интересами, наоборот, распространяла христианство среди варварских народов, Константинополь рисковал нажать на свою голову еще одно претендента на главенство в христианском мире (что, собственно, и произошло с Болгарией).

Наконец, каков критерий оценки успеха или неудачи той или иной миссии? Чем, например, завершилась миссионерская деятельность святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: провалом, потому что Моравия в итоге не осталась в юрисдикции Константинопольского патриарха, или великой победой, благодаря которой возникли многие славянские христианские культуры? Иванов склоняется к первому ответу, с чем сложно согласиться.

Однако при всех оговорках книга, действительно, вскрывает многие проблемы, которые стоят и перед современным миссионерством, и указывает на ошибки, на которых нужно учиться. — М.Б.

МОЖНО ЛИ СДЕЛАТЬ ИЗ «ВАРВАРА» ХРИСТИАНИНА?

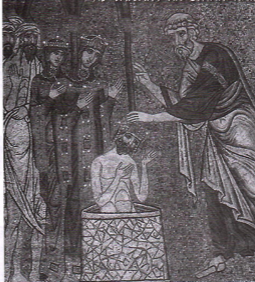
С. А. Иванов. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианином? Москва. «Языки славянской культуры.» 2003 г.

Можно ли сделать из «варвара» христианина? Сама постановка этого вопроса может показаться неуместной. Ведь писали же отцы еще древней Церкви, что вера Христова распространилась по всему миру, и, действительно, все когда-то варварские народы Европы стали христианами. А теперь наши современные миссионеры проповедуют где-то у отдаленных племен в тропических лесах или на крайнем севере. Однако всегда ли именно таким было отношение к христианской проповеди?

В новой работе известного российского византиста С. А. Иванова делается попытка охватить всю историю миссионерской деятельности византийцев в разных странах и — что самое интересное — рассмотреть отношение самих византийцев, жителей империи, ел церковных и светских интеллектуалов, к проповеди Слова Божьего варварам-язычникам. Отдельные главы книги посвящены истории византийских миссий в Эфиопии, Судане, Персии, среди различных народов Кавказа, в Хазарии,

С. А. ИВАНОВ Византийское миссионерство

МОЖНО ЛИ СДЕЛАТЬ ИЗ «ВАРВАРА» ХРИСТИАНИНА?

Моравии, Болгарии, и, наконец, на Руси. Общие черты всех этих проповеднических проектов, развивавшихся в значительный промежуток времени между VI и XIII веками, позволяют исследователю сделать вывод о том, что политика распространения христианства у византийцев коренным образом отличалась от практики западноевропейских или азиатских миссионеров средневековья. Миссии Византийской империи — почти всегда элемент централизованной целенаправленной политики в отношении того или иного народа или государства. Они организуются из Константинополя и пользуются поддержкой им-

ператорской (почти всегда светской, а не церковной) власти. Цель миссий как, правило, сугубо утилитарно-политическая: установить сферу своего религиозного и культурного влияния, устранить потенциальную угрозу, исходящую от данного народа, и в дальнейшем использовать его как союзника в тех или иных дипломатических комбинациях. Христианская вера для византийцев рассматривалась как синоним цивилизованности, и — что особенно показательно — смысл христианизации виделся не только в принятии веры, но в превращении «варваров» в «ромеев», т. е. наряду с христианскими догматами и обрядами, новокрещенные должны были перенимать и образ жизни, бытовую культуру, правовые и политические традиции империи. Это было обязательно. Без этого христианизация считалась как бы неполной.

Автор говорит о фактическом провале византийского миссионерства в Центральной Европе в средние века, о том, что греческие проповедники не выдержали конкуренции с латинскими. По мнению исследователя, провалом закончилась большинство византийских миссий, в т. ч. и знаменитая проповедь Кирилла и Мефодия в Моравии. Ситуация на Руси представляется более сложной. Тем не менее, показательно почти полное молчание византийских источников IX—X вв. о крещении русов как при патр. Фотии, так и при имп. Василии II, которое отражает отсутствие интереса к этому событию в империи.

Итак, византийское миссионерство в целом оценивается как исторически неудачное. Экспансионистские цели ромеев действительно слишком хорошо просматривались и зачастую вызвали у окрестных народов обратную реакцию, стремление сохранить свою самобытность любой ценой. Но вторая, еще более важная причина — крайний ригоризм миссионеров, их нежелание приспособляться к местным культурным традициям, стремление превратить варваров сразу в ромеев.

Один из показательных в этом отношении документов, рассматриваемых С. А. Ивановым — «Законы хизьмьригов», памятник VI—VII вв., содержащий некий комплекс юридических и морально-этических норм, гораздо более строгих по сравнению даже с римским правом, действовавшим на территории империи, которых должны придерживаться новокрещенные ара-

бы византийского приграничья. Историк оценивает эти законы как «тоталитарную миссионерскую утопию, направленную на создание идеального государства» (с. 91-92).

Подобные выводы исследователь делает и в отношении деятельности миссионеров более поздних времен, считающихся временем расцвета проповеди. Яркий пример — политика византийцев по крещению Болгарии во 2-й половине IX в. Византийцы считали, что болгарам необходимо отказаться от традиционного свадебного обряда, нельзя ходить в баню по средам и пятницам, принимать причастие не поджасавшись, в церкви можно стоять только со скрещенными на груди руками, нельзя использовать лошадиный хвост как знамья, исполнять ритуальные танцы перед битвой, носить амулеты, приносить клятву на мече, молиться за умерших в язычестве родителей, евнухам нельзя убивать животных для еды и т. п. Безусловно, здесь во многом мы сталкиваемся с религиозным творчеством самих миссионеров, и эти требования отражают тот уровень понимания религии, которым обладали простые греческие священники. Ничего подобного нет в письмах Фотия, поскольку он как богослов-теоретик, конечно, не мог считать все это важным. Но и бороться с этим не мог, поскольку сталкивался со взглядами абсолютного большинства церковной иерархии и общества в самой Византии.

Так или иначе, главный вопрос, который необходимо поставить после ознакомления с работой Иванова, что же именно проповедовалось «варварам» Европы в эпоху средневековья? Под заглавием «христианизация» — будь то у византийских, или латинских миссионеров — обычно вырастала довольно сложная система ценностей, далеко не всегда напрямую связанная с религией. Здесь мы сталкиваемся с новой сложной исследовательской проблемой, которая не поставлена в рассматриваемой книге, однако, на наш взгляд, требует постепенного изучения и проработки.

С выводами автора о ригоризме и даже нетерпимости средневековых проповедников приходится согласиться, однако, на наш взгляд, противопоставление западных и восточных миссионеров, которое настойчиво проводит исследователь, вряд ли оправдано. Те или иные частные особенности миссий, их связь с государственной поли-

тикой в Византии и ее отсутствие на Западе также нельзя отнести к чертам для оценки миссионерства как такового. Наличие или отсутствие прочного государства, которое было бы способно проводить ту или иную внешнюю политику, является элементом гораздо более комплексной картины жизни общества. Абсурдно было бы считать, что тотальная этническая европеизация Северной Америки за последние 200 лет связана с наличием сильного государства Соединенных Штатов, в то время как сохранение десятков разнородных этносов в азиатской части России может говорить о некоей недееспособности Российского государства. То же самое получается, если мы скажем, что неудача византийских миссионеров связаны с политической силой государства со столицей в Константинополе, а успехи западных — с отсутствием такой политики. Таким образом, выводы Иванова в этом отношении выглядят скромноальтернативными и, по крайней мере, не убеждают.

Кроме того, история византийского миссионерства была бы более понятна в свете христианизации самой Византии. Проблема же византийского «миссионерства» внутри самой империи до сих пор почти не исследована.

Точно такая же — односторонняя — проблема стоит в отношении истории Руси-России. С. А. Иванов ограничивается лишь первыми эпизодами принятия христианства, но не затрагивает дальнейший процесс проникновения новой религии и мировоззрения в глубину русского средневековья. И при изучении этих вопросов роль греческих проповедников, иерархов и мастеров (многие их имена от Нифонта Повгородского до Максима Грека у нас на слуху) окажется вовсе не столь однозначно пассивной и незаинтересованной.

Таким образом, книга С. А. Иванова ставит больше вопросов, чем разрешает. К сожалению, своим общим настроем книга заставляет вновь втягиваться в бесконечные оценочные споры по принципу «нравится/не нравится». Но в данном случае «истина» в этих спорах родиться не может, поскольку наши знания, да и сам уровень задаваемых в спорах вопросов (любит или не любит Византию автор книги и т. п.) еще слишком далеки от какого-либо продуктивного состояния.

Илья ПОПОВ

Все больше сюжетов в наши дни облекается в форму грандиозных трилогий с претензией на монументальность и непреходящую народную любовь: «Властелин колец», «Звездные войны», «Гарри Поттер»... Среди кинокритиков, а вслед за ними и среди зрителей хорошим тоном считается в самых неместных выражениях критиковать вторую и третью части, которые, как водится, никоим образом не дотягивают до уровня того шедевра, каким была первая. Тем не менее, вторые и третьи части чаще всего заведомо обречены на коммерческий успех: людям обычно бывает любопытно поглядеть, как еще извернутся продюсеры и сценаристы, чтобы поддержать в зрителях интерес к фильму.

Сколько бы мы ни пытались открыть для себя философский смысл трилогии братьев Вачовски, не следует забывать о том, что блокбастер «Матрица» — в первую очередь развлекательное кино. Если в первой «Матрице» массовую страсть к дракам и спецэффектам питают, как селедку под шубой, подать под пикантным философским соусом, то, по мере выхода следующих частей, форма и содержание все сильнее вступают между собой в конфликт. Возможно, поклонники «умного кино» упрекут братьев Вачовски в том, что их второе и третье произведение — обычные боевики, вполне отвечающие вкусам любительской погони и мордобоя. Мы, люди думающие, ждали от фильма новой философии, а нас так обманули! Но никакой «новой философии» создатели «Матрицы» нам не предлагают. Зрителю просто ненавязчиво пытаются напомнить о философии давно знакомой, старой как мир. Этой цели служат диалоги, вопросы и ответы, которые кажутся бессвязными, лишены смысловой нагрузки именно тем, кто пришел посмотреть боевик.

Третья часть «Матрицы» начинается там, где обрывается вторая. На первый план выступает одна из любимейших тем Голливуда — «мир должен быть спасен». Но какой из миров будет спасен в итоге последней битвы? Один из тех семнадцати, о которых, цитируя учение одной из школ Каббалы, в конце второй части говорит Архитектор? И потом по законам Голливуда в конце фильма полагается триумфальный happy end: принадлежние ко всем расам представители спасенного чело-

ГДЕ НЕТ МИРА, МЕСТА ЧЕЛОВЕКУ

вечества радостно ликуют и подбрасывают в воздух разноцветных детисек, одержавшие победу в финальной битве со злом астронавты-бурильщики-подводники величественно восходят на пьедестал, влюбленные умопомрачительно долго целуются на фоне пылающего заката, а над всем этим реет звездно-полосатый флаг, недумственно показывая, кто на планете хозяин. В третьей «Матрице» нарастающий по мере развития сюжета пессимизм приходит к своей логической развязке — тагостному, трагическому многоточию, увидев которое, хочется просто умереть от тоски тут же, в мягком кресле кинотеатра, ну, в лучшем случае, вусмерть напиться водки — чтобы убедиться, что в этом мире осталось хотя бы еще что-то реальное. Что же касается звездно-полосатого флага, то он все же появляется в конце фильма в виде виртуального расцвета над Нью-Йорком, написанного девичьей-программой на радость бабушке-программе, что само по себе очень символично.

Может быть, стоит повнимательнее проследить за теми сюжетными предпосылками, которые предракут столь плачевный финал?

В финальной битве мессии-Нео и его антипода агента Смита негрудно разглядеть аллюзии на важнейший момент Священной истории — сошествие Христа во ад. Ненасытный бес пытается поглотить Избранного, и ему это удается, но только на миг. Потому что Смит не в силах удержать Нео в себе — агента разрывает изнутри лучами бьющего света. Но что происходит с Зионом кинематографическим после того, как Нео приносит себя в жертву? Ликует ли он и веселится, подобно Истинному Зиону после Воскресения Господа? Зион, последний город последних людей,

радуется победе своего оружия над машинами, но ничто не свидетельствует о том, что эта победа окончательная. Само слово «революция», вынесенное в заголовок фильма, указывает на то, что это всего лишь один из оборотов истории, и все может повториться сначала. Мир, который заключает между собой Пифия и Архитектор (надолго ли?) — это торжество реальности, в которой нет места человеку. В свете их «примирения и согласия» все становится бессмысленным: и жертвенная любовь Тринити к своему избраннику «даже до смерти», и vyšший пилотаж Нео, и отчаянный героизм шестнадцатилетнего пареня, ославшего машину с пулеметами, и меткая стрельба решительных дочерей Зиона, и все мужество его защитников.

И теперь хочется спросить: к чему все это было? К тому, чтобы фильм кончился победой той лжи, сладкой иллюзии, за разрушение которой положили свою жизнь Нео? Выходит, что это — высшая ценность, ради которой все и затевалось?

В сцене последней битвы Смит говорит Нео примерно следующее: все вы жалкие, слабые людишки, ничего из себя не представляющие. Но с этим вы никак смиритесь не можете, поэтому и напридумывали себе всяких красивых слов: любовь там, свобода... А ничего этого на самом деле нет. Вот лжи нет, и любви никакой тоже на свете нет.

Похоже, братья Вачовски вполне солидарны со своим героем. Для них не существует ни света, ни добра, ни истины. В их системе ценностей добро и зло — всего лишь программы, все отличия которых — в разном количестве нулей и единичек.

Илья ПЕТУХОВ

Расписание служб за декабрь в Университетской церкви

4	четверг	ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ	18.00	Всенощное бдение.
			8.00	Литургия.
			18.00	Вечерня. Утрена.
5	пятница	Попразднство Введения во храм Пресвятой Богородицы. Ап. от 70-ти Филिमона и Архиппа и мч. равноап. Алфия. Блгв. кн. Михаила Тверского.	8.00	Литургия. Требы
		Акафист иконе Божией Матери "Державная"	18.00	Вечерня и акафист
6	суббота	Попразднство Введения во храм Пресвятой Богородицы. Блгв. вел. кн. Александра Невского. Свт. Митрофана еп. Воронежского.	8.00	Утрена. Литургия. Требы.
			17.00	Всенощное бдение.
7	воскресенье	Неделя 25-я по Пятидесятнице. Вмц. Екатерины.	10.00	Литургия. Требы.
			17.00	Вечерня. Утрена.
8	понедельник	Отдание праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы.	8.00	Литургия. Требы.
9	вторник	Акафист св. мученице Татiane	18.00	Вечерня и акафист.
10	среда	Иконы Божией Матери, именуемой "Знамение". Знамение Пресвятой Богородицы, бывшее в Новгороде Великом в 1170 г.	8.00	Утрена. Литургия. Требы.
11	четверг		18.00	Вечерня. Утрена.
12	пятница	Мч. Парамона и с ним 370-ти мучеников Мч. Филумана.	8.00	Литургия. Требы
		Акафист иконе Божией Матери "Державная"	18.00	Вечерня и акафист
13	суббота	Алостола Андрея Первозванного.	8.00	Утрена. Литургия. Требы.
			17.00	Всенощное бдение.
14	воскресенье	Неделя 26-я по Пятидесятнице. Прор. Наума. Прав. Филарета Милостивого.	10.00	Литургия. Требы.
			17.00	Вечерня. Утрена.
15	понедельник	Прор. Авакума.	8.00	Литургия. Требы.
16	вторник	Акафист св. мученице Татiane	18.00	Вечерня и акафист.
17	среда	Вмц. Варвары и мц. Иулианы.	8.00	Утрена. Литургия. Требы.
18	четверг		18.00	Всенощное бдение.
19	пятница	Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских чудотворца.	8.00	Литургия. Требы.
		Акафист иконе Божией Матери "Державная"	18.00	Вечерня и акафист
20	суббота	Свт. Амвросия, еп. Медиоланского. Прп. Нила Столобенского.	8.00	Утрена. Литургия. Требы.
			17.00	Всенощное бдение.
21	воскресенье	Неделя 27-я по Пятидесятнице. Прп. Патапия.	10.00	Литургия. Требы.
			17.00	Вечерня. Утрена.
22	понедельник	Зачатие праведной Анною Пресвятой Богородицы.	8.00	Литургия. Требы.
23	вторник	Акафист св. мученице Татiane	18.00	Вечерня и акафист.
24	среда	Прп. Даниила Столпника.	8.00	Утрена. Литургия. Требы.
25	четверг		18.00	Вечерня. Утрена.
26	пятница	Мчч. Евстратия, Авксентия, Евгения, Мардария и Ореста. Прп. Германа Аляскинского.	8.00	Литургия. Требы
		Акафист иконе Божией Матери "Державная"	18.00	Вечерня и акафист
27	суббота	Мчч. Фирса, Левкия и Каллиника. Мчч. Филिमона, Алоллония, Ариана и Феотиха	8.00	Утрена. Литургия. Требы.
			17.00	Всенощное бдение.
28	воскресенье	Неделя 28-я по Пятидесятнице, святых протещ. Сима, Елсафория, матери его мч. Анфия и мч. Корива епарха.	10.00	Литургия. Требы.
			17.00	Вечерня. Утрена.
29	понедельник	Прор. Аггея.	8.00	Литургия. Требы.
30	вторник	Акафист св. мученице Татiane	18.00	Вечерня и акафист.
31	среда	Мчч. Севастияна и дружиня его.	8.00	Утрена. Литургия. Требы.
		Новогодний молебен	18.00	Вечерня и молебен

СЕКТОР

Информ-центр «Сектор» газеты «ИТД» собирает свидетельства людей вышедших из сектантских организаций, а также тех, кто пострадал от деятельности «нетрадиционных» религий. Если вам известно о случаях проникновения религиозных сект в светские учебные заведения, сообщайте об этом нам.

Наш Адрес: Наш Адрес: 103009, Москва, Большая Никитская, 1. Центр «Сектор» газеты «Татьянин День». Тел./факс: 203-3458.

ДИЗАЙН

E-mail: portals@macbox.ru

ДОЗВОЛЕН
ХРАМ СВАТОЙ
ЖУЧЕНИЦЫ ТАТИАНЫ

- Книжная лавка
- Церковная утварь
- Иконы
- Сувениры

г. Москва, ул.
Б. Никитская, д.1,
т. 203-3458

ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО УСПЕТЬ

КОНКУРС ПРОДОЛЖАЕТСЯ !!!

До 1 января 2004 г. продолжается конкурс среди студентов, аспирантов и выпускников российских ВУЗов на лучший:

- 1) православный постмодернистский рассказ;
- 2) исторический очерк;
- 3) эссе «за жизнь» и о жизни студентов.

Главный приз 100 у.е.

Поощрительный приз – 100 экземпляров газеты «Татьянин день».

Условия конкурса: все работы должны быть написаны на человеческом (а не на каком-нибудь инои) языке; представлены в электронном виде; объем – 3-5 машинописных страниц (12 кельг через 2 интервала), с указанием имени и фамилии автора, номера телефона или адреса.

Лучшие материалы будут опубликованы на страницах «Татьянинного дня».

Дорогие читатели!

Мы рады сообщить вам, что становимся лучше. Недавно «Татьянин день» стал лауреатом конкурса «Студенческая пресса Москвы – 2003», который проходил 9 ноября 2003 г. в выставочном комплексе «Царев Двор». Организатор конкурса – Гильдия студенческой прессы Медиасоюза.

По итогам конкурса наша газета выиграла приз – цифровой диктофон – в номинации «За лучшую публикацию». Приз уже передан автору, который, надеемся, еще не раз порадует читателей своими материалами.

Кроме «Татьянинного дня», в конкурсе приняли участие такие газеты, как «Акция», «Московский Университет», «Almater» и др. По обещанию организаторов, конкурс должен стать ежегодным и проходить будет в конце октября – начале ноября каждого года. В середине декабря 2003 года выйдет Общая студенческая газета тиражом в 30 тысяч экземпляров, которая будет распространяться во всех вузах Москвы.

Всегда ваша редакция «Татьянинного Дня»

«ТАТЬЯНИН ДЕНЬ» Издаётся с января 1995 года.

Учредитель – община Университетской церкви святой мученицы Татианы.

При перепечатке ссылка на «Татьянин День» обязательна.

Редакция не имеет возможности вступать в переписку рецензировать и возвращать не заказанные ею материалы.

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов публикаций.

Главный редактор:

Максим Большаков,
истфак МГУ;

Зам. главного редактора:

Анастасия Колпакова,
журфак МГУ;

Ответственный секретарь:

Ирина Федичкина, МПГУ;

Верстка:

Kinoshnik;

Корректор:

Анастасия Колпакова,

Редакционный совет:

Юрий Баженов,
Надежда Долженкова,
журфак МГУ

Фото на обложке:

Александр Петров

Газета зарегистрирована в Министерстве печати РФ, свидетельство о регистрации № 013 825 от 23.06.1995
номер подписан в печать 14.12.03

Наш Адрес: 103009, Москва, Большая Никитская, 1.

Тел./факс: 203-3458. E-mail: gazeta_TD@mail.ru